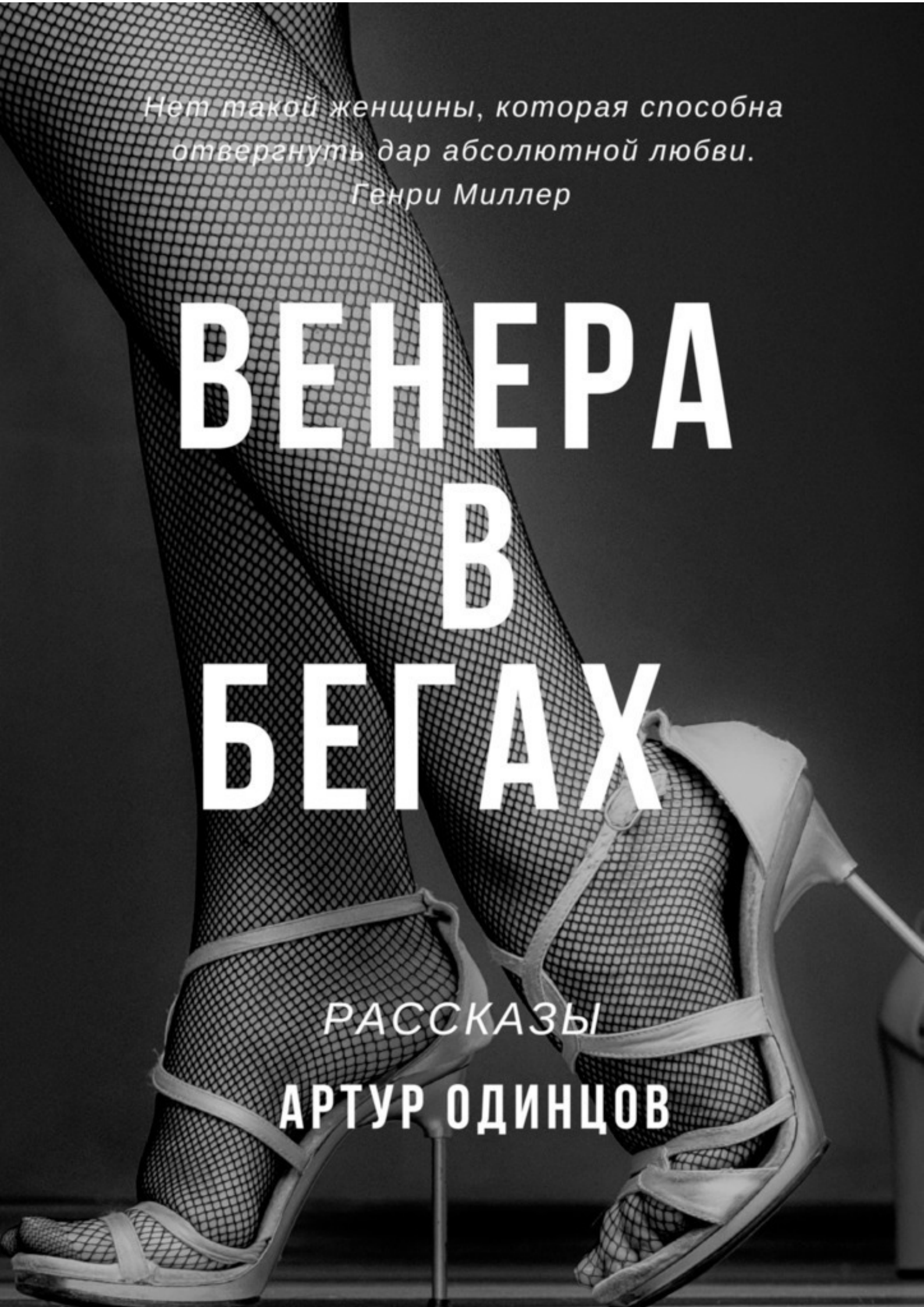

*Нет такой женщины, которая способна
отвергнуть дар абсолютной любви.*

Генри Миллер

ВЕНЕРА В БЕГАХ

РАССКАЗЫ
АРТУР ОДИНЦОВ

Артур Одинцов

Венера в бегах. Рассказы

«Издательские решения»

Одинцов А.

Венера в бегах. Рассказы / А. Одинцов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-908484-2

Если вы любили хотя бы раз в жизни, то знаете — любовь преобразует человека. Но делает ли она его лучше? Ведь греки изначально изображали Венеру — покровительницу любви — не слабой и изнеженной, а мощной и решительной дамой. И руках у нее были букет цветов и зеркало — атрибуты продажной женщины. Похоже, что сегодня Венера вернулась к своему первоначальному облику. Прочитав эту книгу, вы станете иначе смотреть на мир. И на любовь. Если она, конечно, еще живет в вашем сердце...

ISBN 978-5-44-908484-2

© Одинцов А.

© Издательские решения

Содержание

Часть I. Женщина эпохи Возрождения	6
Лепешки для Жоа	6
Уральский скорый опаздывает по вторникам	9
Сладкая смерть	12
Зеркало для героя	15
Спасительный ураган	18
Возвращение домой	21
Собрание уродов	24
Королевский гонец	27
Жена Цезаря	30
Сказка без конца	32
Испорченное торжество	34
Завещание дядюшки Фимы	37
Алиби	40
Путешествие на край света	43
Новое назначение	46
Рыбный день	49
Лестница в небо	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Венера в бегах Рассказы

Артур Одинцов

© Артур Одинцов, 2018

ISBN 978-5-4490-8484-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I. Женщина эпохи Возрождения

Лепешки для Жоа

Руки дрожали. Особенно левая. Правой Жоа то и дело нырял под стол, ощупывал ширинку. В паху было жарко. Жоа чувствовал, как резинки впиваются в мякоть члена. Сейчас бы в душ. С какой-нибудь белой кошкой. С крыской между ног. Но куда там? Надо дожидаться курьера

В Амстердаме он так и не отдохнул. Напрасно папа прислал ему деньги. Папа мечтал, чтобы Жоа стал врачом. И зачем он прислал ему столько денег сразу?

В баре стали появляться люди. Напротив уселась молоденькая пара. Девушка то и дело поглядывала на его пах. Еще бы... Жоа было, чем гордиться. Он измерял. Банан с трудом помещался во «вранглерах», выпирал. А теперь, с трехсотграммовым пакетом, присобаченном к члену, вообще, выглядел, как маленькая бомба.

Луи, его земляк из Лагоса, рассчитал верно. Жоа случайно встретил его в Амстердаме. Вечером, курнув по косяку, сели играть в трик-трак. Жоа увлекся. Проиграл пять тысяч. Утром Луи сказал: деньги отдашь потом. А сейчас, вот тебе пакет, отвези его в Питер. В баре «Вольтер» отдашь мужчине в желтой футболке.

Жоа задрожал. Жоа заплакал. Никогда ему не стать врачом. Жоа знал – в пакете кокаин. Его обязательно поймают. Но Луи только смеялся. Он засунул пакет Жоа в пах. «Таможню надо сбивать с мысли. Русские бабы при виде такого красавца, как ты, будут думать о сексе. Пусть смотрят и думают о том, каков ты в постели. А не о пакете...».

Жоа начал дрожать в Амстердаме. Дрожал в Хельсинки. Подрагивал в Пулково. Русская таможеница, маленькая, верткая, глянула на пузырь у него между ног, хохотнула.

– Что, студент, соскучился по нашим норкам?

– Да, – едва пролепетал Жоа.

Таможеница усмехнулась, посмотрела его дипломат и, подмигнув, пропустила.

В бар ввалилась шумная компания. Они уселись через стол и стали вслух обсуждать достоинства Жоа. Особенно усердствовала стриженная, беленькая. Гибкая, как лиана, она сверлила пах Жоа своими остренькими глазками. Жоа было приятно. На время даже забыл, что он здесь делает. Ему нравились такие – высокие, худенькие, с маленькой грудью, помещающейся в ладони. С нирванами между круглых ляжек. Вот куда бы засадить свой банан. Пусть бы отдохнул от тревог.

Девушка встала, подошла к Жоа.

– Потанцуем?

Жоа встал. Бармен включил музыку. Пакет сбился на сторону и теперь казалось, что его громадный член с яйцами улегся набок. Наверное, со стороны казалось, что его член живет какой-то отдельной жизнью – спит, ворочается в своей норе, иногда ложится. Эти русские всегда приписывают африканским членам какие-то необыкновенные свойства.

Ее лобок с лисьим проворством скользил у него между ног. Член, распираемый животным соком, стал набухать, грозно вздыматься. Жоа чувствовал, как приподнялся пакет, уперся в складки ширинки. Господи, только бы не порвался...

Рука девушка легла ему на живот.

– Ты всегда такой возбужденный? – горячий шепот заполз ему в уши.

– Нет, только когда с тобой... – сказал Жоа.

– Ох, какой ты галантный... – засмеялась девушка. – Может, проверим твою галантность в деле? Я живу неподалеку...

– Можно, – шепнул Жоа. – Только чуть попозже. Мне надо встретиться с другом...

Жоа глянул на часы. Два... Курьер должен быть в половине второго. Не пришел. Значит, завтра...

Девушка волной билась ему в пах. Жоа посмотрел в ее острые глаза с буйными камешками зрачков. Усмехнулся. Подошел к бармену. Из-за стола кричали:

– Люська, покажи им, как русские работают...

– Не опозорь Родину...

– С таким членовозом можно и на край света...

Девушки смеялись, махали им вслед. Жоа сжимал в одной руке ледяную бутылку «Бифитера», в другую обжигающую руку спутницы.

Они вышли на улицу. Жоа почти сливался с ночью.

– Ох, Уголек, твой член звезды задевает... – бормотала девушка, заклепывая ему рот поцелуем.

– Нет, только Луну...

– Так вот откуда там кратеры!

Ночь – спасительница. Жоа чувствовал, как тревога на время его покинула. Словно все это время сидел на плечах леопард, а теперь покинул. Спрыгнул, пошел погулять по ночным улицам.

Жоа едва сдерживался. Девушка забиралась ему под рубашку, трогала соски, гладила твердый, как дерево, живот, пытался залезть в штаны.

Жоа упрямо отводил ее руку. Боялся, что нащупает пакет.

Перед домом уже бежали. Взлетели на площадку. Девушка сунула ключ в дверь, стала стаскивать юбку. Жоа, стоя сзади, прижался к мерцающим ягодицам.

Ворвались. Жоа скинул джинсы, запустил руку под корень, бережно извлек нагретый мешок.

Девушка прыгнула, как пантера. Черный, эбонитовый его стержень вошел в распаренное похотью тело, как кинжал. Африканская ночь, горячая, дрожащая, прожигала взметнувшиеся белым, перекрученные снега. Он топил ее, как нагретое лезвие топил белое масло. Девушка текла, капала на пол обжигающим соком, стонала и бредила.

Жоа, держа ее на весу, прошел в комнату. Отпустил руки, уложил пакет с порошком на пол. Девушка сидела на его стволе, как на ветке.

– Мой пальмовый, мой банановый, мой тропический ... – вскрикивала она под его толчками.

Жоа лег на нее сверху, запрыгал обезьяной. Девушка забрасывала ноги, сжимала его шею горячими лодыжками. Жоа рычал и стонал, где-то рядом гремели барабаны. Его, еще недавно дрожащие, черные руки скользили по ее оттопыренной груди, по гибкому вырезу талии, вжимались в бедра. Девушка кричала и Жоа подвывал ей, как заблудившийся в городе шакал...

Девушка, наконец, со вздохом отвалилась в сторону. Протянула руку, стала нащупывать сигареты. Наткнулась на пакет, поднесла к глазам.

– Это еще что такое? – она приподнялась на локте, щелкнула зажигалкой.

Жоа засмеялся.

– Чего ржешь... – девушка вдруг глянула Жоа в пах, приставила пакет к члену. – Йоксель – моксель, так у тебя эта штуковина в штанах болталась? – она хохотнула разочарованно. – Ну, дела... Это что ж, для видимости, или чтоб яйца на морозе не застудить?

Жоа лежал, улыбался. Ему было хорошо, не страшно. Хотелось шутить. Он приподнялся.

– Нет... Это у нас такой обычай. Когда сын становится взрослым, мама дает ему на прощанье мешочек с маисовой мукой. Он привязывает его к кошонке и так ходит, пока не встретит любимую девушку. Если чувства взаимны, девушка из этой муки выпекает лепешки. И они женятся.

Девушка засмеялась.

– Во дают, чурбаны! Так ты что, с этой херовиной и в баню ходил?

– В душ...

Девушка положила ему руку на член.

– Чудны дела твои, Господи...

Утром Жоа проснулся от запаха свежемолотого кофе. Ему снился Лагос, чавкающие свиньи, папа в москитной сетке. Он поднял голову.

Ночная незнакомка, ослепительно голая, наклонилась и сунула ему в рот сухую лепешку.

– Что это? – удивленно спросил Жоа, поднимая голову.

Девушка улыбнулась.

– Знак ответной взаимности... Ты мне ночью такую красивую легенду рассказал. Вот я ее и воплотила в жизнь...

Жоа похолодел.

– Ты сделала лепешки из того, что было в пакете?

Девушка помотала головой.

– Ну, что ты, Уголек... Твоя мука за столько лет давно испортилась. С таким-то соседством... Извини, я ее выкинула в унитаз. Но если ты против, я насыплю в пакет свеженькой, пшеничной. И таскайся с ней дальше. Что с тобой, Уголек?

Уральский скорый опаздывает по вторникам

Дверь отворилась. Невысокая, короткостриженная блондинка застыла на пороге. Якуб молча смотрел в ее зеленоватые глаза.

– Ну? – весело сказала она вместо приветствия. – Уральский скорый опаздывает по вторникам...

Якуб вздрогнул. Это был пароль. Массажист перед смертью дважды успел его повторить. И описать внешность связной – субтильной блондинки с короткостриженными волосами. Теперь та самая блондинка стояла на пороге массажного кабинета.

Якуб улыбнулся, пытаясь сбросить напряжение.

– Проходи...

Девушка вошла в кабинет, плотно прикрыла за собой дверь. Улыбнулась, сняла с плеча маленькую сумочку. Присела на кушетку. И принялась раздеваться.

Это противоречило полученным инструкциям. По соображениям оперативников, она должна была сделать заказ и уйти. Но плевать она хотела на инструкции оперативников. Сидела себе и раздевалась...

Якуб месяц назад приехал из Казани. Его разыскали по министерской картотеке. В тамошнем «угро» он ловил фальшивомонетчиков. Здесь задача была посложнее...

Два генерала долго разглядывали его лицо. Сверяли с фотографией умершего массажиста. Якуб как две капли воды был на него похож. Но генералам что-то не понравилось. В закрытой клинике на Конногвардейском бульваре с помощью скальпеля ему чуть-чуть сузили глаза и приподняли углы губ. Изменения были почти незаметными. Даже сам Якуб не сразу бы их обнаружил. Но генералам было виднее. После операции Якуб стал как умерший массажист. За три дня до смерти массажист сознался, что работал на банду. Раз в три месяца его навещала симпатичная блондинка. Она была вторым связным. Теперь они встретились...

Девушки скатала колготки, расстегнула бюстгальтер. Якуб молчал. Ждал вопросов.

– Ну что, Сашок? Соскучился?

Якуб наклонился, словно убирая с халата нитку. Незаметно выдохнул воздух. Уф... Вроде признала.

– Да есть маленько...

Девушка поднялась. Грудь у нее оказались на удивление крупными, стояли торчком. Якуб отвел глаза. Уже месяц, как он уехал из дома. Женщины только снились. Черт его знает, какие у них были отношения? Перед смертью не надышишься. Слава Богу, массажист успел сказать главное – кто и когда?

Девушка, улыбаясь, прошла к столу. Легла ровнехонько, как масло на бутерброд. Раскинула руки.

– Давай, Санюшка. Сверху вниз... И по кругу... – девушка хрипловато засмеялась. Тугие ягодицы всколыхнулись.

Волосатые пальцы Якуба прошлись вдоль нежного девичьего позвоночника, ручейком сбегавшего в поясничную впадинку. Четвертый нижний был смещен. Якуб круговыми движениями потеснил его обратно. Девушка застонала. Пальцы Якуба невольно вздрогнули – так после второго оргазма стонала одна из его знакомых. Член Якуба встрепенулся, как собака, узнавшая голос хозяйки. Якуб кашлянул. Пытаясь сбить напряжение, перешел на другую сторону стола. Рука девушки встретила его на полпути. Маленькая ладонь работала властно, уверенно. Пуговицы выскользнули из своих гнезд. Пальцы девушки пробежались по волосатому животу. Якуб замер, одним глазом следя за девушкой. Она продолжала лежать ровно, не шевелясь. Только рука работала, как заводная – расстегивала пуговицы, спускала трусы, хозяйни-

чала в паху. Девичьи пальчики с пульсирующим нетерпением пробежались по вздыбленному члену.

– Я не поняла, кто кому делает массаж?

Девушка говорила задыхающимся шепотом, все также, не поворачивая головы. Только спина в нижней части порозовела, пошла пятнами. Якуб после секундного раздумья наклонился и поцеловал ее в поясничную ложбинку. Девушка тихонько ойкнула. Ее тугой круп приподнялся, ноги разъехались в стороны. Розовая, увлажненная щель, блеснула в глаза. Якуб зашел сзади, сунул руки под округлые бока. Медленно, по миллиметру, как тугой сапог на ногу, надел ее на себя. Девушка продолжала молчать, только иногда вскидывала голову и тихо, как-то удивленно, вскрикивала.

Якуб почувствовал, как его член дошел до упора. Дальнейшее продвижение заставляло девушку вздрагивать и стонать. Якуб задвигал бедрами, с каждой минутой наращивая темп. Он позабыл, что он делает в этом кабинете, кроме того, что любит обладательницу гибкой, ровной спины, сильных бедер и коротких, вспыхивающих на свету, волос.

Когда конец был уже совсем близко, и яркие вспышки цепочкой пробегали в нижней части его тела, девушка вдруг соскользнула, и, ловко изогнувшись, повернулась к нему лицом. Дважды поцеловала Якуба в губы и нырнула вниз.

Генералы предусмотрели и это. Якуб с ужасом представил на своем месте кого-то другого. Умерший массажист был обрезанным. К счастью, Якуб тоже... Вспышками пронеслись мысли о том, что этот, последний нырок, мог оказаться роковым. Несколько сантиметров необрезанной кожи – и все! Хитроумная оперативная комбинация могла пойти насмарку. Как часто плоть бывает сильнее духа. Особенно, если она не обрезана...

Якуб зажмурился и застонал. Тугая струя с неослабевающим напором ударила девушке в рот. Голова девушки на мгновение подалась назад и ринулась обратно. Якуб ощутил чистое, почти предсмертное, блаженство. Он уже любил эту девушку, эту замечательную связную, связавшую его тело с необыкновенными наслаждениями.

Он не успел оторваться, как рот девушки властно потребовал продолжения. Неоконченный сеанс массажа перерастал в оргию. Но Якуб уже не торопился. Он любил девушку жадно, но не спеша. Его мускулистые, тренированные руки оперативника и массажиста, демонстрировали все, на что они были способны. Он гнул и мял ее тело, как гончар глину, обжигая плоть, долго сдерживаемым, неослабевающим огнем.

Когда они насытились друг другом, за плотно зашторенными окнами уже бушевал вечер. Над Финским заливом огненными перьями осыпался закат. Телефон несколько раз срывался и замолкал. Девушка белой тенью скользнула за стеклянную кабинку душа. Раздался легкий сип водяных струй. Якуб включил свет. Теперь ему нужно было набрать знакомый телефонный номер и спросить время. Это было сигналом. После него за девушкой на всем пути поплетутся нескончаемые «хвосты». Но Якуб не торопился. Он знал, что после такого сеанса она и так будет его. До окончания дней...

Хлопнула дверь кабинки. Девушка, улыбнувшись Якубу, прошла к кушетке с одеждой. Якуб смотрел, как она одевалась. И что ее заставило спутаться с мафией? Деньги? Любовь? Или шантаж? Он не сомневался, что скоро об этом узнает. Комбинация была реализована на все сто. Якуб уже и сам был больше массажистом, чем оперативником.

Девушка застегнула короткий сапог, встала. Глянула Якубу в глаза.

– А теперь, о главном... – сказала она, раскрывая сумочку.

Якуб напрягся. Сейчас он все узнает.

Пистолет в ее руке казался игрушечным. Якуб удивленно выдохнул воздух. Пуля вошла под левое легкое. Якуб медленно завалился на пол. Глаза потускнели.

– Сука! – сказала девушка мелодичным голосом.

Она с ненавистью смотрела на его побледневшее лицо.

– Ты делаешь массаж почти, как Саша... – она растянула губы в улыбке. – А трахаешься лучше. Куда лучше... Ведь уже два года, как он был импотентом...

Девушка прицелилась. Хлопнул негромкий выстрел. Пуля пробила волосатую грудь Якуба с булькающим свистом.

Сладкая смерть

Машин не было. Город завалило снегом по самые крыши. Какой идиот будет мотаться в такую погоду по улицам. Черт меня дернул поднять трубку. Спал бы себя до утра. Куда покойнику торопиться? Могли бы и обождать...

Снегоуборочная ползла по мосту, как катафалк. Черное железо, присыпанное снегом, раскачивалось и лязгало. Я поднял руку.

– Садись... – лениво хмыкнул водитель. – Кому не спиться в ночь глуху-у-ю...

Он хрипло засмеялся. Малиновый огонек папиросы перекатился из одного угла рта в другой.

Малая Морская была пустынной и белой. Где-то впереди гнулся под снегом одинокий фонарь. Я махнул «ксивой» и выскочил. Водила злобно плюнул мне вслед. Не повезло. «Опер» не овца, с него и шерсти клочок не состричь.

В парадной пахло табачным дымом. Одна из дверей второго этажа была приоткрыта. У дверей стоял Греков. Этот-то что здесь делает?

– Здравствуйте, господин капитан. Потревожили?

Я хмуро посмотрел на него. Бывший сутенер, а нынче преуспевающий владелец ресторана заискивающе улыбался.

– Я-то по службе... А ты что здесь делаешь?

Греков полез в карман, достал какую-то бумагу.

– А вот... – он нехорошо засмеялся. – У меня договор. Теперь это квартира моя... У меня с покойником договор пожизненного содержания...

Ах, вот оно что? Ну, Греков! И здесь успел.

Я толкнул дверь, прошел в комнату. Греков семенил следом. В дальнем углу комнаты сидела полуголая девушка с заплаканным лицом. Покойник лежал на широкой деревянной кровати. Я подошел ближе, поздоровался с судмедэкспертом. Скользнул взглядом по голому старческому телу. Рот мертвеца был приоткрыт. Внутри блестели золотые коронки.

– Крепкий был старикан... – со вздохом сказал судмедэксперт. – Если бы не эта доярка, – он насмешливо глянул на девку, – сто лет бы прожил... Судя по всему, увлекся дамой. Вот сердце и не выдержало...

– С такой увлечешься... – сказал я, глянув в сторону сидящей.

Девушка, словно услышав мои слова, подняла голову.

– Зачем ему сто лет? – засмеялся Греков, стоящий рядом. – О такой смерти можно только мечтать! Капитан, хотите, расскажу о покойном всю правду? Ничего не скрывая?

Я еще раз посмотрел на сидящую девушку. Она была почти голой. Тяжелая грудь едва умещалась под наброшенным платком. Труссы-то, хоть, на ней есть?

– А куда ж ты денешься? – сказал я, с угрозой глядя в испуганные глаза сутенера и рестораника.

Мы прошли на кухню. Сели за стол.

– Вы не поверите, но дядя Ашот, выпил у меня столько крови... – Греков вздохнул. – Я знал его еще по тем временам... Он работал шеф-поваром в ресторане «Баку». А я в те годы как раз девочками начинал промышлять... – он кашлянул. – Где-то лет семь назад Ашот вышел на пенсию. Как-то мы встретились на Невском. Ашот пожаловался. Дескать, денег нет, жена умерла, сын погиб в Карабахе... Остался один, как перст. А я знал, что у него приличная квартира в центре. Ну и предложил: давай, я тебе каждый месяц буду платить по 200 долларов, а после твоей смерти квартира останется мне...

Греков оглянулся и придвинулся ближе, понизив голос до шепота.

– Признаюсь честно, я думал, что его хватит ненадолго. Он тогда, как договор заключали, такой болезненный был, хилый... Думал, максимум год протянет, полтора...

Греков покачал головой.

– А вышло совсем не то... – ресторанщик засмеялся. – Однажды зашел к нему навестить с одной целкой после десятого аборта. А дед как начал за ней увиваться. Я ему ее на ночь оставил, думаю, пусть старик побалуется... – Греков возмущенно закатил глаза. – Шесть раз за ночь! – он прищелкнул языком. – И это в семьдесят два года! Скажу честно, телке даже понравилось. Не ожидала она такой прыти от старикана. А потом, – Греков хлопнул себя руками по коленям, – Ашот так разошелся... Представляете, он месяцами денег у меня не брал, требовал девками. То подай ему блондинку с пятым размером сисек, то негритянку с толстой жопой, то крестьянку с косой до пят...

– Ну, с крестьянками-то, наверное, трудно было? – я не удержался от подначки. – Что-то я в твоём гареме таких не припомню?

Греков возмущенно осклабился.

– Да полно у меня всяких! – он перекрестился. – Но теперь все! Слава Богу, отлюбил свое старикан...

Он улыбался. Меленькие зубы рассыпались блеском. Провел ладонью по лицу, стер улыбку, тревожно глянул на меня.

Ох, брешет, зараза!

Я не успел ничего спросить. Греков, перегнувшись через стол, крикнул:

– Светка, начальник требуют! – он протянул руки в сторону входящей девушки. – Вы только посмотрите! Чем не крестьянка? Васнецов с Венециановым отдыхают...

Девушка остановилась в дверях. Белое, крепкое тело, закутанное в прозрачную накидку, светилось молочным блеском. Грудь торчала. Коричневые кружки сосков, вздернутые гвоздиками, были похожи на грибные шляпки. Волосы дорожка, выстриженная клином, как борода революционного демократа, стекала ручьем с покато лобка в розовую ложбину.

Я отвел глаза.

– Ты чего, дура, трусы не надела? – недовольно буркнул Греков.

Девушка пожалала белыми плечами.

– Да не найти никак. Ашот спрятал... – она всхлипнула.

– Пройдите сюда. – строго сказал я.

Девушка быстро глянула в сторону Грекова и медленно, словно удерживая внутри бесценный груз, прошла через кухню. Греков напряженно улыбнулся и отвел глаза.

– Расскажите, как все происходило?

Девушка улыбнулась. Глянула на Грекова.

– Ну... – она хмыкнула. – Я значит легла. Он сверху... – она помолчала. – Он быстро задергался и вдруг... захрипел, захрипел... Так – хрр-хрр... Словно подавился чем...

Греков во все глаза смотрел на рассказчицу.

– Ой, нет... – она вдруг дернулась вперед всем телом и заплакала.

Греков не успел ничего сказать – я одной рукой схватил его за челюсть и придавил ее. Он выпучил глаза и, повернутый за кадык, послушно поплелся к двери.

– Вот этого постерегите! – крикнул я, возвращаясь обратно.

– Встать! – заорал я.

Девушка, испуганно глядя на меня, поднялась. Словно большая, белая колонна, она вышла надо мной. Я рывком сдернул с нее накидку.

Вблизи, на расстоянии руки, она казалась еще лучше. Наверное, в таком образе приходит в сны полярников Антарктида. А если учесть, что под этими белыми, упругими покровами текла горячая подземная река, дарующее наслаждение!

Тело было чистым, без единого пятнышка. Я развернул ее спиной. Ровная, гладкая спина перетекала в сочные ягодичные полушария.

– Расставь ноги! – хрипло скомандовал я.

Она стояла, не шелохнувшись.

– Ну!

Я почувствовал, как она напряглась.

– Повернись!

Она медленно, не разжимая ног, обернулась ко мне. Торчащие соски смотрели мне в лицо. Я выдохнул воздух.

– Света, я жду...

Я был так напряжен – то ли от ожидания удачи, то ли от возбуждения...

Она разжала ноги чуть-чуть. Я запустил руку между гладкими ляжками и развел их в стороны.

Бум... Бум...

Один шарик подпрыгнул и закатился под стол. Второй так и остался лежать у нее между ног. Девушка всхлипнула.

– Он всякий раз вылизывал у меня между ног. Перед моим уходом... Греков узнал и дал мне эти шары. Сказал, чтобы я их себе засунула перед тем, как Ашот захочет сделать ка..кули...

– Куннилингус... – сказал я.

– Да... – девушка уже рыдала. – Я сказала, что хочу подмыться. Пошла в ванную, засунула их в себя и вернулась. Он лежал на спине, я села ему на лицо... Разжала ноги...

– Дальше! – приказал я.

Девушка глянула на меня, закрыла лицо руками.

– Он начал хрипеть, а я зажала ему шею ногами... На пару секунд... А потом растерялась и снова засунула шары в себя. Думала, там никто не найдет...

Я обошел стол и сел. Посиневшее лицо любителя куннилингуса мелькнуло перед глазами.

– Одевайся. Шаров было три?

– Да. – девушка снова закуталась в накидку.

Я вышел из кухни. Греков стоял перед дверью, держа в руках кружевные трусики.

– Она их в ванной забыла... – с ухмылкой сказал он. – Пусть наденет.

– Ага, – согласился я, ныряя рукой под пиджак. – Но только после того, как на тебя наденут наручники...

Зеркало для героя

Тугие ягодицы перекатывались под синей «джинсой». Знатная задница. Мила повернулась и улыбнулась Дену. И мордашка – о, кей! И чего ее с такими формами занесло в проститутки? Мало ли вокруг мужиков, готовых на все ради такой попы? Или это, все-таки, она? Та самая штучка?

Ден насчитал двадцать восемь ступеней. Двадцать девятая кривой волной выползала на цементную гладь лестничной клетки.

Они вошли в тесную прихожую.

– Раздевайся...

Мила двусмысленно улыбнулась и стала стягивать с себя платье. Ден неловко топтался в прихожей. Он не знал, как поступить: если это она, то, увидев «Вальтер», заткнутый за пояс, сразу обо всем догадается. В любом случае, она это или нет, клиент с пистолетом за поясом – существо непредсказуемое. Настроение девушки следует поберечь...

– Если хочешь под душем, заходи...

Она улыбнулась и скрылась за дверью. Зашумела вода. Ден пробежался по коридору. На кухне было пусто. Вид нежилой. Или она здесь ничего не готовит? Только принимает гостей?

Дверь в соседнюю комнату оказалась закрытой. Ден прильнул глазом к дверной скважине. Темнота. Он еще раз нажал на ручку, налег на дверь плечом. Нет, напрасный труд. Зачем она ее заперла? Или это коммуналка и там проживает кто-то другой? Тогда почему она не предупредила?

Он прошел по коридору и свернул в следующую дверь. Щелкнул выключателем...

Огромная кровать занимала почти все пространство. Настоящее ложе любви. Ден даже зажмурился, представив себе, чем они сейчас будут заниматься. Для своих тридцати восьми лет он пока был в отличной форме. Не мог прожить без женщины больше двух дней. Если бы не звонок старого знакомого, с просьбой отыскать убийцу сына, найденного с разрубленной спиной в районе Сенного рынка, Ден, вероятно, уже по третьему разу терзал бы свежую грудь какой-нибудь новой знакомой. Свидетели подтвердили, что накануне видели убитого с незнакомой девкой. По описаниям, она напоминала Милу. Она позвала Дена к себе...

Ден едва успел сунуть пистолет под матрас, как в комнату вошла хозяйка. Полуобернутая полотенцем, с торчащей упругой грудью, она была по – настоящему хороша.

Мила подошла к Дену вплотную, обвила его голову руками.

– Ты готов? – ее рука скользнула Дену в штаны.

От нее пахло молочным кремом и стойким дезодорантом.

Ден с трудом отвел ее руку.

– Сейчас... – пробормотал он.

Он метнулся в ванную, включил воду. Высоченное зеркало в дубовой раме отражало его хмурое лицо с плотно сжатым ртом. Мысли носились в голове бильярдными шарами. Мила ему нравилась. Очень нравилась. Он мог потерять голову, забыться. Ден не мог себе это позволить. Ну что же делать?

Интересно, как сюда попало зеркало? Стоять бы ему в каком-нибудь графском особняке, а не в ванной малогабаритной квартиры. Тут его осенило...

Пружинистым шагом он вернулся в спальню. Махровое полотенце тугим коконом сдерживало мужскую прыть.

Мила лежала поверх одеяла, слегка раздвинув ноги. В мерцающей впадинке виднелась розовая полоса. Тот, кто жил внутри Милы, показывал Дену свой острый, распутный язык.

Осмотрев его мощно вывернутые плечи и мускулистые руки, Мила удовлетворенно усмехнулась. Она встала и вынула из-под одеяла красный плед.

– Люблю, чтобы во мне и подо мной все было твердым... – сказала она, бросая плед на пол. – По-моему, ты как раз из таких... Ну, иди же сюда! – она протянула руки к Дену.

Он опустился на одно колено, протянул руку к полотенцу и вдруг замер со смущенной улыбкой.

– Что с тобой? – усмехнулась Мила. – Такой мужественный, а боишься?

Ден покачал головой.

– Нет... – он засмеялся. – Извини, но я привык... к небольшим извращениям...

– Что? – ее улыбающееся лицо окаменело. – Какие еще извращения?

Ден махнул рукой.

– Нет, нет, ничего серьезного. Понимаешь, я три года служил в Иностранном легионе. В Сьера – Леоне...

– Ну? – она с тревожным любопытством смотрела в его лицо.

– Рядом с нашим гарнизоном был бордель. Там работало пятеро белых женщин. Представляешь, на пятьдесят человек – пятеро женщин. Поэтому, почти каждый раз приходилось заниматься сексом в коллективе...

Мила засмеялась.

– Забавно... – она провела пальцем по его голой груди. – Но у меня иной подход к делу. Я, милый, индивидуалистка. Во всем. А уж в любви, тем более... – она стала разматывать полотенце.

– А можно я приволоку сюда зеркало? – спросил Ден, останавливая ее руку на полпути. – Ну, то, что стоит в ванной?

– Зеркало? Из ванной? – Мила непонимающе улыбалась. – Да, пожалуйста. Но зачем?

Ден рванул в ванную. Коридор, запертая, дверь, лицо Милы прыгнули в зеркальную поверхность и стекли вниз. Ден прислонил квадрат в дубовой раме к стене и рухнул на Милу. Теперь он был спасен от всякой неожиданности. Половина двери, начиная от пола и до блестящей ручки, полыхали в зеркальной глубине. Если кто-то и войдет в комнату, он успеет его увидеть.

Мила восприняла его прихоть по-своему.

– Тебя от этого прет? – спросила она, запрокидывая голову.

– О, да... – горячо шепнул Ден, делая вид, что увлечен созерцанием своего зеркального двойника и его темпераментной подружки. – Я обожаю групповой секс. Ты видишь, как нас много? И все любят друг друга...

Мила заглядывала в зеркальную глубину и заводилась все больше и больше.

– Покажи мне себя в зеркале! – просила она. – Да, да, вот так...

Ее зеркальный двойник захлебывался от желания, менял позы, волосы рассыпались на красном черном пером.

Несколько раз Мила выгибалась дугой, охватывая зеркало живой, трепещущей аркой и Ден выстреливал из всех, живых и зеркальных орудий, заставляя ее метаться в сияющей глубине зеркала тонущим дельфином.

Погружаясь в Милу в очередной раз, он успел заметить, как в серебристом проеме появился новый участник. Лица его видно не было. Судя по размерам войлочных тапок и массивным бедрам, облитым трико, мощью он был под стать Дену.

Он крался неторопливо, выбирая удобную позицию. Лицо Милы, затянутое зеркальным омутом, пылало и двигалось, как и вначале. Только по обхвату ног, вдруг ослабевшему, можно было понять, что она устала.

Обладатель войлочных тапок остановился в двух метрах от совокупляющейся пары. Ден видел, как он привстал на цыпочки, по туловищу пробежала судорога...

Ден резким движением перевернулся на спину. Этого хватило, чтобы спасти себя. Но не Милу. Оскаленное лицо, зверское лицо крупного мужчины мелькнуло перед глазами. Зеркальный блеск топора, усиленный зеркалом, пролетел мимо головы.

Раздался хряск. Топор, пробив тело, вошел в деревянный пол. Ден выбросил вперед голую пятку. Голова мужчины запрокинулась назад. Падая, он взмахнул рукой и зацепил дубовую раму. Зеркало рухнуло, засыпая комнату сверкающими блестками с фрагментами разбившейся жизни: мертвой Милы, залитого кровью пледа, лежащего на полу мужчины.

Ден вскочил, двумя ударами перевернул мужчину на живот. Вывернутые назад руки с хрустящей плавностью поехали к шее. Мужчины хрипел и всхлипывал.

Ден завернулся в полотенце и, осторожно ступая по зеркальным крошкам, прошел к телефону.

– За что ты его? – спросил он, нащупав дрожащим пальцем дырку в телефонном диске.

– Кого? – хрипло рявкнул мужчина.

Ден оторвал трубку от уха.

– Две недели назад... Мальчишку? За что?

Связанный хмуро глядел на Дена. Тяжелая челюсть, упираясь в пол, двигалась в такт чутунным словам.

– А чтобы ты делал, если твою жену у тебя на глазах? Во все дыры?

Ден хмыкнул. Похоже, парень не врал.

– А меня за что?

Связанный прикрыл глаза и тяжело вздохнул.

– Старина, не задавай дурацких вопросов. – он пошевелил связанными руками. – И, вообще, мой тебе совет – никогда не женись на проститутке! Запомнил? Никогда...

Спасительный ураган

Около полуночи, когда Фрэнк, сменившись с вахты, прилег отдохнуть, в дверь постучали. Он недовольно откинул щеколду – в полумраке коридора нежным контуром мерцала фигура Алисы.

– Ты представляешь, чем это грозит? – Фрэнк протянул руку и втащил девушку в каюту.

Увидев Алису на пороге, он тут же решил, что отправит ее обратно. Ведь совсем рядом, на верхней палубе, разместились ее семья – отец и двое братьев, хорошо знакомых полиции Бостона своим необузданным нравом. Семья бостонского фабриканта Ричардсона плыла на родину своих предков, и никто из них не предполагал, что встретит на этом судне Фрэнка – сына одного из видных бостонских промышленников, которого они разорили несколько лет назад. А ведь Фрэнк и Алиса в свое время были очень дружны, и родители даже собирались их поженить. Но не вышло: разоренный отец Фрэнка умер в долговой тюрьме, мать, не выдержав испытаний наложила на себя руки, а Фрэнк, так и не смирившись с потерей, поступил на корабль, совершающий рейсы на Британские острова. И вот теперь они встретились – матрос Фрэнк Клифорд, те, кто погубили его семью, и та, кого он любил больше всего на свете...

Но Фрэнк даже сейчас, после всего пережитого, не мог переступить через свое воспитание. Он стал вежливо выпроваживать Алису из каюты. Но девушка уходить не хотела.

– Ты хочешь иметь неприятности?

– Да! – с вызовом сказала Алиса. – Я этого хочу, очень хочу!

Она внезапно вскинула руки, платье с шелковым треском скользнуло по голым плечам: Алиса стояла перед ним голая, невинная, страстная.

– Фрэнк, любимый! – прошептала Алиса, притягивая к себе его голову. – Я хочу, чтобы ты был моим мужчиной. Пожалуйста, иди ко мне!

Осыпая лицо поцелуями, Алиса влекла его к кровати, не давая возможности одуматься. Когда они были совсем рядом, Алиса вдруг опустилась на колени, раскрыла рот, утопила в глубине рта мгновенно набухший мужской член. Никогда Фрэнк не испытывал такого наслаждения: в тех портах, где их судно застревало в ожидании очередного заказа или по причине разразившегося шторма, он, как и другие матросы, иногда встречался с женщинами. Но то торопливое, стремительное совокупление не шло ни в какое сравнение с этим ласковым, нежным штормом, захлестнутым рыжей копной волос, всполохами молочно-белых рук, жадным ртом, способной дарить самое невероятное наслаждение. Его член ритмично скользил в девичьем рту, сопровождаемый толчками горячего языка, заполнял влажный объем своими всевозрастающими размерами, пока он, не в силах сдерживаться, не излился с шумным выкриком. Счастливая Алиса, продолжая осыпать его тело поцелуями, подтолкнула Фрэнка к кровати, легла на него сверху. Но бравый матрос больше не собирался терпеть сладострастное тиранство – Фрэнк перевернул Алису на спину, властно раздвинул ее стройные ноги. Когда его член вошел в Алису, она вскрикнула и выгнулась дугой. Ему казалось, что его член пробьет ее насквозь, но Алиса, на мгновение замерев в этой позе, разогнулась с таким проворством и стремительностью, что стрела удовольствия тут же вырвалась из него, разбилась на тихие ручейки, на легкие брызги.

Возбуждение ненадолго сникло, оно словно ждало, когда ритмичный, всевозрастающий ритм их движений, не начнет сливаться в очередной гармонии, в колеблющемся и жадном сближении. Фрэнка словно распирали изнутри звенящий гул, внутри, в его сердцевине ворочался убыстряющийся ритм, он гнал волну, растущую и опьяняющую. Алиса подняла ноги, чтобы дать ему возможность приблизиться к заветному пределу, их тела были напряжены, как тетива одного лука. Его пальцы сжали оттопыренные груди, Алиса взлетела ему навстречу, на полпути их тела встретились – слились в долгожданном, трепещущем оргазме.

Сжимая Алису в объятиях, чувствуя затихающий ритм крови, Фрэнк слышал, что совсем рядом, за деревянной обшивкой их судна грозно ворочается разбуженное море. Борта гнулись под ударами волн, мачты скрипели, полы подрагивали, словно желая расступиться, пропустить сквозь себя хлещущий поток. Но это его не пугало: Фрэнк снова хотелось любить это покорное, молодое тело, распахнутое навстречу. Он провел ладонью по стройному животу Алисы, поддержал в губах ее расцветший сосок, сполз на пол. Половицы вздрогнули, Фрэнк развел руками ее горячее межножье, опустил лицо в пылающую расщелину. Алиса подтянула ноги к себе, ее все больше захватывал напор Фрэнка. Алиса, рассыпав по подушке рыжее золото, уже забылась и в этот момент дверь, выбитая дюжими ручищами, сорвалась с петель, грохнулась на пол. Алиса закричала, закутавшись в одеяло, она с ужасом следила за тем, как ее братья и отец, красные, пьяные, потные со звериным неистовством избивают того, кого она любила и ласкала целый вечер.

– Фрэнк! Фрэнк! – крикнула Алиса, бросаясь на выручку любимому.

Было поздно: кто-то из братьев резко толкнул ее на кровать, Алиса упала, ударившись о косяк головой, и потеряла сознание.

Фрэнка и Алису вытащили в коридор. Старый Ричардсон несколько минут с ненавистью вглядывался в их бледные лица. Не сдержавшись, размахнулся и со всей силы саданул Фрэнка носком сапога в грудь.

– Будет знать, как спать с благородными девушками! – он схватил Фрэнка за руку. – Тащите его наверх, бросим за борт и дело с концом. А Алису – в каюту! – когда придет в себя, я покажу, как позорить наш род!

Младший брат волок на себе завернутое в одеяло тело сестры, Фрэнка нес на спине старший Ричардсон. Отец шел впереди, освещая ступеньки жидким светом сальной свечи.

Нетерпеливые каблуки дорожных сапог стремительно застучали по лестничным маршам. Ричардсоны выбрались наверх в тот самый момент, когда тяжелая волна, сметая все на своем пути, прокатилась по палубе.

– Бросай его к черту! – закричал отец, пытаясь нырнуть в глубь судна, обратно. – Все назад!

Его голос потонул в грохочущем гуле и треске: главная мачта, облепляя фигуры бегущих мокрым парусом, рухнула на кренящийся борт. Обнаженные тела Фрэнка и Алисы покатались по палубе. Старый Ричардсон попытался схватить Алису за сколькую ногу, но не успел: люди посыпались с палубы суденышка, как фрукты с рухнувшего дерева.

Волна, как железный хлыст, ударила их по ногам. Судно накренилось, словно прислушиваясь к тому, что происходит внутри, прощально шлепнуло по вздутой волне уцелевшим парусом, и резко погрузилось в клочущую воду.

Только спустя несколько часов Фрэнк пришел в себя. Открыв глаза, он увидел перед собой плавающую щепу разбитого вдребезг судна, далекий горизонт, чистую, безмятежную морскую гладь. Фрэнк оглянулся – рядом, на расстоянии полуметра, лежала Алиса. Она уже пришла в себя и с удивлением смотрела на него чистым, промытым близкими слезами взглядом.

– Фрэнк! – Алиса прикоснулась к нему губами. – По-моему, уцелели только мы?

Фрэнк встал, глянул по сторонам: за близкой стеной деревьев, отягощенных плодами, шумел водопад. Значит, они не будут испытывать голода и жажды. Но главное – они никогда не будут испытывать недостатка друг в друге!

Он снова, с внезапным интересом посмотрел на высокую грудь Алисы, на ее соблазнительно раздвинутые ноги, на мягкий пушок внизу живота. Его жезл непроизвольно встал, качнулся и замер. Алиса, видя метаморфозу, произошедшую с любимым, откинулась на теплый песок. Фрэнк провел ладонью по золотистому плечу, откинул прядь ее влажных волос: он пред-

видел, что не пройдет и года, как у них с Алисой родятся дети, которые не будет знать ни стыда, ни горечи. Не будут знать ничего из того, что так близко узнали их родители.

Возвращение домой

Вначале потянулись строгие ели в голубоватых шлемах из игольчатой хвои. Шлемы были надеты друг на друга, словно ели – витязи – готовились к длительной битве. Зуев насмешливо глянул на соседа, стоящего у приоткрытого окна.

– Ну? И где же они?

Сосед хитровато усмехнулся.

– Не веришь? Можем, заспорим?

Он протянул ему худую, жилистую руку. Зуев спорить не хотел. Не для того он два с половиной года мерз на таежном лесоповале, чтобы так просто отдавать свои кровные.

Ели кончились, потянулась дощатая платформа, а следом за ним приземистое здание вокзала.

Сосед заливисто хохотнул.

– Во, дружбан, гляди!

Зуев прилип к окну. Боже мой, по вокзальному перрону, как по приморскому бульвару в пик курортного сезона, вышагивали десятки молодых, стройных, улыбчивых женщин! Увидев приближающийся поезд, они разом повернули головы и стали пристально вглядываться в скользящие мимо вагонные окна. Словно надеялись увидеть знакомое лицо.

Одна из молодых – веснушчатая, с вздернутым носом – синими бесстыжим взором, как алмазом по стеклу, резанула Зуева по глазам. Сердце затрепыхалось, забилося, словно яблоко на гибкой ветке от порыва внезапного ветра.

– И что, они все продаются? – растерянно пробормотал Зуев.

Сосед развел руками.

– Так я ж говорю... Все! Абсолютно все... – мимо с зазывным смешком пробежала парочка волооких девчушек. – Вот, уже кто-то снял... – сосед засмеялся. – Понимаешь, здесь работы нет уже несколько лет. Все заводы стоят. Те, кто мог, уехал... А те, кто остался, идут на панель. То есть, на перрон. А что? ... – он хохотнул, глядя на крупную, дебелую женщину средних лет, которую за руку вел к вагону худенький мужичонка, – небось, мужик жену привел продавать... До Москвы ехать четыре часа, – весело продолжил сосед. – Даешь проводнику на лапу пятьсот рубчиков. И бабе тышу, – сосед повернулся к Зуеву, не отрываящегося от окна. – И забавляйся с ней четыре часа... А назад бабы электричкой едут. Бесплатно... Так что, почитай, ту же тыщенку они целиком привозят в семью. А в этом городке за три косяра можно целый месяц жить...

Зуев растерянно покачал головой. Надо же!

– Так что ж это получается? – Зуев вздохнул. – Город блядей?

Сосед нахмурился.

– Не блядей, а проститутток. Разницу улавливаешь?

Зуев пожал плечами.

– Для меня что в лоб, что по лбу...

Зуев уставился в окно. Та самая, курносая синеглазка остановилась рядом с его окном, зазывно усмехнулась.

– Ну, что? До Москвы не желаем развлечься?

Синие ее глаза, как две звезды над таежным лесоповалом, смотрели ему прямо в душу.

Зуев растерянно оглянулся. Неужели за какую-нибудь тысячу рублей можно купить такую красавицу?

Он с силой рванул дверцу купе, толкнул спящего Рябинина.

– Мишка, здесь бабы продаются! Красавицы... – он мечтательно вздохнул. – Может, возьмем по одной... До Москвы... попрыгаем...

Сонный Рябинин недовольно приоткрыл набухшие веки.

– Ты, братан, чего? Сбрендил? – его громадная рука, как рачья клешня, вылезла из-под скомканной простыни, потянулась к стакану с недопитой водкой. – Какие бабы, Зуенок? Ты бы лег, поспал... А то Москву проедем...

Зуев усмехнулся.

– Ну, не хочешь, так не надо. А я себе возьму... Хватит суходрочкой заниматься...

В леспромхозе женщины были большой редкостью. За два года Зуев дважды дорывался до женской мягкости, и то, в порядке общей очереди, под понуканье и с похабными комментариями. Так что, почитай, ничего и не распробовал.

Зажав в руке ворох смятых сторублевок, помчался по коридору. Поезд уже тронулся, когда Зуев, оттолкнув проводника, выглянул из двери.

– Эй, синеглазая, прыгай...

Красавица, увидев Зуева, мигом сиганула на подножку. Только грудь, как два арбуза в сетке, взлетела и опустилась. Зуев сладко зажмурился.

Водку она слегка пригубила и тут же начала раздеваться. Зуев с нарастающим гулом в сердце смотрел на ее полные белые руки, на стройную шею с тонкой цепочкой, на улыбающиеся губы.

Она аккуратно сложила вещи и смущенно глянула на Зуева.

– Что, худошавенькой, ты как больше любишь: сверху или снизу? Или, может, сзади?

Зуеву было все равно. Он налил водки в стакан до краев, выпил и потянул женщину книзу. Она покорно распласталась на полке, словно пышное тесто, только что вынутое из печи, раскаталось рулончиком. Зуев аккуратно, медленно вошел в ее горячее лоно и тут же кончил.

– Ты бы силы поберег... – горячо шепнула она, – до Москвы —то еще не близко...

Она напрасно его предупреждала. Уже через десять минут Зуев был готов к новым подвигам. Его жилистое, продубленное морозными ветрами тело, было сильным и выносливым. Он целовал ее крепкую грудь, кусал сливочный живот, а в голове беспокойной электропилой жужжала мысль: «А может жениться? Вон, баба-то какая – справная, добрая».

От таких мыслей желание становилось нестерпимым, Зуев с жадностью набрасывался на эту здоровую спелость, чтобы через полчаса, на время погасив желание, не воспламениться снова.

А женщина, чувствуя его нежность, старалась, как могла: вертела сочными бедрами, стонала, прожигала его тело долотами восставших сосков, шептала на ухо безумные слова.

Рябинин все это время, спал, отвернувшись к стенке. Только через час, в тот самый момент, когда синеглазка, не в силах сдержаться, крикнула из последних, блаженных сил, Рябинин вскочил и, испуганно протирая глаза, уставился на потного Зуева, оседланного голой, бесстыжей всадницей.

– Зуенок! – хрипло и радостно рявкнул Рябинин, – я тоже хочу...

За два года на лесоповале, они сроднились, стали, как братья. Последний кусок хлеба, последний рубль, последнюю уцелевшую пилу делили пополам. Однажды Рябинин вытащил Зуева из проруби, можно сказать, спас жизнь. А сколько носов они проломили тем, кто не уважал их дружбу?

И все же делиться этой женщиной Зуеву почему-то не хотелось. Никак не хотелось. Жалко было делиться.

Зуев молчал.

– Ну, иди сюда, цыпочка! – рявкнул Рябинин, хватая женщину за руку. – Иди к дяде, а то Зуенок уже устал...

Женщина испуганно поглядывала то на Рябинина, то на Зуева, словно ожидая его приказа.

– Ну, чего ты, иди же! – Рябинин рывком потянул женщину на себя.

– Оставь ее! – крикнул Зуев, приподымаясь на локтях. – Это моя баба!

Рябинин застыл. Медленно, по миллиметру повернул голову к другу.

– Зуенок, ты забыл, как мы с тобой... – он протянул к нему руку.

Зуев молчал. Только крепче сжимал женскую ладонь.

– Ну, иди же, ко мне... – засмеялся Рябинин. – Зуенок выкабенивается... Неужто мы, братан, из-за бабы будем...

– Будем! – резко выкрикнул Зуев. – Я может такую всю жизнь искал...

Рябинин внимательно посмотрел на друга. Усмехнулся. Потянулся к столу, плеснул в стакан водки. Взял в руку нож, отрезал кружок колбасы. Выпил...

Взмах был коротким и сильным. Лезвие наполовину вошло Зуеву в грудь. Голая женщина с безумным криком рванулась в коридор.

Бледный, задыхающийся Зуев, угасая, смотрел на Рябинина. Он не успел встать, слабеющие локти скользили, кровь алой лентой пересекала голую грудь. Его глаза закатились, подернулись смертной пленкой, как остывающая прорубь льдистой корочкой. По коридору бежали люди.

– Был у меня друг... – задумчиво сказал Рябинин, натягивая рубашку, – Да умер... Умер Зуенок...

Дверь купе с грохотом распахнулась. Люди кричали.

Собрание уродов

Были здесь даже две бабочки, сросшиеся крыльями, этикие воздухоплавающие сиа́мские близнецы. Жесткая на вид, похожая на влажный крепдешин, крылышковая ткань с бледными, круговыми узорами плавно перерастала в темно-вельветовую, сизую от густой пыльцы ткань другого крыла. Алексей даже нагнулся и заглянул с испода, надеясь обнаружить там след от швейной строчки. Или засохшего клея. Нет, ничего не было. Крылья вросли друг в друга, как пуля врастает в гильзу. Под прозрачной коробочкой, в которую были упакованы бабочки-уродцы, висел ценник – «500 у.е».

Алексей покрутил головой. Это же почти 16 тысяч рублей! Если быть экономным, то может хватить на все. Даже останется.

Немолодая, вальяжная дама качнулась и замерла у самого лица Алексея.

– Молодой человек желает что-то приобрести? – томно, нараспев поинтересовалась она.

Рука в перчатке потянулась к пластиковой коробочке. Алексей, не отрываясь, смотрел на эту руку. Скорее всего, под перчаткой был протез. Интересно, что он замещает – кисть или всю руку?

Продавщица ловко подцепила неподвижной рукой коробочку и аккуратно поднесла его к носу Алексея.

– Взгляните, это же чудо природы! И совсем недорого...

Алексей с усилием оторвался от созерцания руки-протеза. Пробежал взглядом по банкам с заспиртованными жабами и чучелами двухголовых птиц, остановился на гигантской женской груди, прячущейся в дальнем конце витрины под пластиковым колпаком, кашлянул:

– Я бы хотел вам кое-что предложить...

Дама повернулась к Алексею.

– Ну? Я вас слушаю?

– Понимаете, – Алексей, как замороженный смотрел в глубь ее неподвижных, немигающих глаз. – Понимаете, я бы хотел, чтобы вы приобрели у меня... – язык никак не хотел выговаривать нужное слово, – у меня... орган... – Алексей вскинул голову. – Я хочу предложить вам купить у меня... член. Понимаете?

Дама с протезом молча смотрела ему в глаза. Черт, может у нее и глаза стеклянные?

Алексей вонзился в холодную, голубоватую даль зрачка.

– Член... не хотите? ...Член? ...Мужской?

Дама все также неподвижно разглядывала Алексея. Нехотя разжала сиреневые губы.

– Чей член?

– Мужской! – едва не выкрикнул Алексей. – Мужской половой орган.

Дама едва заметно качнула головой.

– Понятно, что не женский. Сколько?

Вот! Зацепило! Нет, не зря ему казалось, что в этом магазине можно продать все, что захочешь.

– Пять тысяч долларов. Всего лишь пять тысячи. Поверьте, это не дорого...

Дама снова чуть-чуть кивнула.

– Понимаю... Я имела в виду – сколько сантиметров?

Алексей улыбнулся, с гордостью выпрямился.

– Тридцать два...

Дама скользнула по нему холодным взглядом.

– Товар с собой?

Алексей глуповато улыбнулся.

– Еще бы! Это же мой член...

Дама с удивлением уставилась на улыбающегося Алексея. Опустила глаза вниз, зыркнула в пах Алексею.

– Не понимаю... – она говорила быстро, слегка приглушенным голосом. – Вы предлагаете нам приобрести ваш член? А как же мы будем его продавать? Без вас? По частям?

Алексей пожал плечами.

– Так ведь все просто. Мы составим нотариально заверенный договор, по которому мой член перейдет в вашу собственность... Разумеется, после моей смерти...

Дама понимающе улыбнулась. Снова внимательно глянула Алексея.

– Да... Хороший себе договорец. Дать вам пять тысяч долларов и подождать этак лет шестьдесят...

Алексей виновато улыбнулся. Ему хотелось утешить щедрую владелицу магазина.

– Ну, почему шестьдесят? Сами понимаете – в нашей стране среднестатистический мужчина умирает в 58 лет. А я курю. Да и выпить не дурак... Тем более, что мне уже 22... Итого... – он немного напрягся, отнимая 22 из 58... – Всего лишь тридцать шесть лет... Это же недолго...

Дама покачала головой. Поджала губы. Рука в перчатке мелькнула в воздухе.

– Джинсы снимите...

Алексей с готовностью звякнул ремнем. Джинсы упали. Алексей большими пальцами оттянул резинку трусов, бросил их книзу.

Тяжелое мужское достоинство, похожее на булаву Ильи Муромца, мерно закачалось перед глазами восторженной оценщицы.

– Н-да... – восторженно протянула она. – Впечатляет... – дама протянула руку в кожаной перчатке и с нежностью прикоснулась к сморщенному стволу.

И тут же, вопреки воле Алексея, булава вздыбилась, под напрягшейся кожей бурно запульсировали синие вены, извилистые и непокорные, как горные реки. Головка, захлестнутая волной свежей крови, натянулась, как прищипоренный всадником конь. Алексей пытаясь освободиться от внезапной неловкости, потянулся к трусам, и тут же был остановлен рукой взволнованной оценщицы.

– погоди, я хотела бы проверить его в действии...

Сиреневые губы, как створки пересохшего цветка, с жадным чмоканьем сомкнулись где-то на середине. Закрыв глаза, внезапно ослабевшая оценщица заерзала задом и медленно, словно выискивая наиболее удобную позицию, опустилась на колени. Алексей со страхом смотрел, как рука в черной перчатке, неторопливо приблизилась к самому паху, член с трудом вошел в плотное отверстие, образованное двумя неподвижными пальцами. Рука в перчатке заходила в рваном ритме. Она то доезжала до самого кончика, готовая свалиться, то возвращалась до основания, до крови врезаясь в заросшую волосом упругую гладь живота.

Волны желания неторопливо накатывали на Алексея. Оценщица знала свое дело, никто из его прежних подружек, даже его любимая, ради которой он и пришел в этот магазин, не умели делать и половины того, что делала эта такая с виду сухая и сдержанная дама.

На одном из скользких поворотов Алексей не выдержал: его механизм, вращая разорванными от желания кровяными шестернями, ринулся в пропасть оргазма.

Алексей закричал, заливая глубину женского рта белой вспышкой молодого семени. Оценщица судорожно заглатывала в себя густые комки, а Алексей изливался нескончаемой струей. Из него текло как из пожарного брандспойта, один из концов которого окунулся в нескончаемый океан.

Наконец, последняя капля покинула исчерпанный резервуар, Алексей зажмурился и сделал шаг назад.

Пока он надевал штаны, оценщица поднялась, вытерла рот скомканной салфеткой, выдвинула ящик стола.

– Вот... Подпиши... Здесь и здесь... – деревянный палец, закованный в перчатку, ткнулся в договор.

Алексей расписался, пересчитал деньги и в сопровождении хмурого, молодцеватого кавказца вышел из магазина.

Когда он вернулся, хозяйка, раздетая до пояса, сидела за столом, протирая белое, жидкое тело ваткой, смоченной в одеколоне. Рядом загадочной, изломанной конструкцией чернел сброшенный протез с опрокинутыми навзничь ляжками.

– Арсан, выпиши адрес... – хозяйка выразительно посмотрела на помощника. – К вечеру подъедешь в морг и сделаешь все, что нужно... – она поморщилась. – Кстати, пора уже и протез заправить. Я полчаса елозила, пока выдавила парочку капель...

– Будет сделано! – подобострастно кивнул Арсан, свинчивая наконечник искусственного пальца с пробуравленным в нем крохотным отверстием. – Да, осталось только на донышке...

Арсан вынул шприц, заполненный до половины ядовито-бурым веществом, опытным, хорошо отработанным движением вставил его в отверстие на деревянном пальце и нажал на головку поршня.

Королевский гонец

Бернар вышел во внутренний двор. Белое иерусалимское солнце уже висело над горизонтом. Брат Доминик расседлывал пегую лошадь, рядом стоял покачивающийся от усталости монах. Его серая от пыли ряса казалась бархатной, лицо гостя, скрытое тенью капюшона, выглядело изможденным, худым.

Доминик подошел ближе, поклонился. Монах шагнул ему навстречу. На секунду братья-храмовники прижались друг к другу, Доминик почувствовал под рукой гибкую, тонкую почти девичью спину. В последнее время орден Бедных Рыцарей Храма пополнился множеством новых членов и Бернар, покинувший Париж три года назад, многих уже не знал.

Они ступили в каменную прохладу коридора, Бернар указал прибывшему на дверь гостевой кельи.

– Доминик принесет воду и хлеб. После трапезы прошу ко мне!

Монах молча поклонился. Бернар задумчиво посмотрел ему вслед. Что-то давно знакомое, еще не забытое, чудилось ему в движениях этого неожиданного гостя.

Из задумчивости его вывел тихий скрип боковой двери. Бернар оглянулся – Доминик, застыв на пороге, испуганно смотрел на отца-настоятеля.

– Что случилось?

– Святой отец, это дьявол! – побелевшими губами пробормотал Доминик, осеняя себя крестным знамением.

Бернар схватил Доминика за плечи.

– Откуда в храме дьявол?

Доминик качнул головой.

– Я подглядел в секретную щель. Это не брат, это – женщина!

Секретную щель, позволяющую обозревать гостевую комнату, пробили еще при первом настоятеле, отце Франциске. Бернар хотел ее замуровать, но так и не решился. И теперь сквозное отверстие, как крепостная бойница, первым предупредила их о смертельной опасности – в монастыре сатана!

– Ты уверен?

Вместо ответа Доминик метнулся к святому распятию, висящему на стене, упал на колени.

– Он... она... сняла рясу. А там... там... женская грудь...

На слове «грудь» Доминик смачно шлепнул губами, и настоятель на мгновение увидел чистый, белый купол женской плоти с коричневым тернием соска. Да, это был воистину сатана и его греховные видения уже разматывались клубками в монашеских кельях.

Бернар перекрестился, взял в руки миртовое распятие, омытое водами Иордана.

– Ступай к братьям! Никому ни слова! – отец-настоятель дождался, когда монах скроется в боковом проеме, решительно открыл дверь.

У двери гостевой кельи он на секунду замер. Ему почудилось, что за дверью слышится пение. Тихий, приятный голос перекрывал плеск воды. Настоятель с силой потянул на себя дверную ручку, шагнул внутрь.

Тысячи белых крыльев ударило его по глазам, казалось, полутемная келья залита белым пламенем. Тот, кто назвал себя братом-храмовником, стоял, повернувшись к нему голой спиной. Бернар мог поклясться последней святыней тамплиеров – спина эта принадлежала отнюдь не мужчине!

– Сатано, стигнь! Господи, не дай мне погибнуть! – яростно крикнул Бернар, чувствуя, как в напрягшихся чреслах заплесал, заметался греховный огонь. – Святая Дево, дай пережить посланное искушение!

Он закрыл глаза и вжался в стену, представляя, как разверзнется пол, и он уйдет в пропасть земную вместе с тем, кто решился его погубить.

Но вместо этого нежное, теплое дуновение прошло по щекам. Может, ангел-хранитель спустился с отвердевшего плеча? Бернар с опаской открыл глаза – перед ним плыла в лучах Мари, его мука, его последняя любовь, та, что стала причиной монашеского обета. Прекрасная Мари стояла на расстоянии вытянутой руки – голая, чистая, беззащитная, улыбаясь своей восхитительной, своей порочной улыбкой. Бернар подивился хитроумию врага Христова, умеющего насылать любые видения, а в случае необходимости, и приобретать любой облик.

– Бернар, посмотри сюда! – тихо сказал женский голос. – Видишь?

Разумеется, он все видел – в тонких, белых пальцах Мари сжимала крохотную головку Бафомета – святыню тамплиеров, предьявитель которой мог требовать исполнения любого повеления. И братья вынуждены были его выполнять, порою даже ценой собственной жизни...

– Возьми меня! – приказала Мари.

Может быть, Бернар только этого ждал с того самого момента, когда легкий корабль вошел в тихую гавань далекого, теплого моря. Во всяком случае, Мари не пришлось приказывать дважды.

Суровая ткань монашеского одеяния была не лучшей подстилкой для любовного ложа, но Бернар и Мари этого не замечали. Они рухнули на пол, осыпая поцелуями ненасытные, молодые тела. Мари жарко шептала отцу-настоятелю на ухо какие-то незнакомые слова. Бернар рычал, раздвигая гибкие, женские ноги властным движением. Горячая, полузабытая жажда заставляла его вновь и вновь припадать к теплым, коричневым соскам, к горячему, солоноватому лону. У Мари была такая нежная кожа, что его тело, огрубевшее от постоянного ношения домотканой одежды, захлестывало бесконечное желание. Он зарывался лицом в раскинутые по голым плечам волосы, вдыхал их хлебный дух, пьянящий запах свежих листьев и молодого, сочного тела. Мари уложила его на спину, Бернар прикрыл глаза, стремительная, приткая женщина оседлала его конька, три года бредущего по пустыне и бездорожью. Бернар резво подпрыгивал, повинаясь ее четкому ритму, рисуя в своей голове древний символ – двое рыцарей, скачущих на одной лошади. У тамплиеров это знаменовало бедность и братство, но сейчас он видел, что у одного из рыцарей было лицо Мари, а у второго – его собственное лицо, лицо отца-настоятеля, распаленное неземной страстью. Правда, как звалась лошадь под их седлом, он пока не понимал. А может, имени пока не существовало даже в природе.

Мари выгнулась дугой и молодо, звонко закричала, касаясь упругими бедрами его зовущего паха. Следом под бьющейся в агонии молодой лошадкой затрепетал и Бернар. Он сжимал ладонями ее скачущие бедра, словно пытался приблизить их к себе, к самому лицу, к зовущим губам.

Бернар открыл глаза, и тут же столкнулся взглядом с бешеными, ошалевшими от увиденного, глазами брата Доминика. Волосы Мари упали ему на грудь, на секунду закрывая от пламени, струящегося из секретной щели. Нет, эта щель, касающегося его паха, была живой, единственной, а та каменная – мертвой, никому не нужной, невзирая на то, что в ней жил испепеляющий огонь взгляда брата Доминика. Теперь и Бернар знал, как зовут лошадь, принесшую ему в далекую землю потрясающую, незабываемую Мари.

– Куда ты? – с нежностью прошептала Мари, видя, что Бернар набросил на себя сутану.

Он наклонился и поцеловал ее в губы. Рука Мари обвилась вокруг шеи Бернара, ладонь разжалась, головка Бафомета упала на каменный пол. Бернар нагнулся, сунул ее под широкий полог, перекрестился.

– Мне надо отдать распоряжения. Мы уезжаем. Ты готова?

Мари широко распахнула руки.

– Я прибыла сюда только для этого... – она оперлась на локоть. – Если бы ты знал, чего мне стоила эта святыня...

– Потом! – властно прошептал Бернар. – А лошадь мы назовем... Любовью...

– Лошадь по имени Любовь? – удивленно прошептала Мари.

Бернар улыбнулся, но ничего не сказал. Вечером отец-настоятель и молодой монах покинули святую обитель. Куда они направлялись, зачем, надолго ли – никто не знал. Разве только брат Доминик, провожавший их в дальний путь. Но он молчал – монах шурился на заходящее солнце, без конца ощупывая заскорузлыми пальцами тугой мешочек, доверху забитый золотыми монетами.

Жена Цезаря

Оргазм был бурным и продолжительным, как тропический ливень. Отдышавшись, Лобов перевернулся на живот.

– А не пригласить ли нам в постель третьего?

Лена растерянно посмотрела на улыбающегося мужа.

– Это еще зачем?

Держалась она прекрасно. Если бы не та самая видеокассета, где женщина, сильно напоминающая его жену, не ублажала двух негров с громадными членами, он бы ни за что не решился на подобное. Кассета пришла по почте неделю тому назад. С тех пор Лобов потерял покой. Жаль, но женщина на кассете ни разу не появилась в кадре с открытым лицом. Только в профиль. Зато ее тело было исследовано вдоль и поперек. Грудь, ноги, разверстое лоно – все в этой порносучке до боли напоминало молодую жену Лобова. Даже расположение родинок совпадало.

Но Лобов не торопился. Слишком много у него было денег и слишком он дорожил своей репутацией, чтобы делать скоропалительные выводы. Лену могли и подставить. Во-первых, девушек с подобными формами полным-полно в любом модельном агентстве. Во-вторых, Лобов не забывал о современной технике фотомонтажа. В – третьих, родинки на теле могли быть и нарисованными. О их расположении и форме, разумеется, знали и посторонние – массажисты, фотографы, врачи. Единственной возможностью узнать наверняка – это устроить маленькую оргию, пригласить еще одного партнера и посмотреть, как во время этого сеанса будет себя вести жена. Та, что снималась в порнофильме, в нескольких эпизодах очень характерно выполняла один из трюков: стоя на четвереньках, просовывала голову назад сквозь разведенные ноги и облизывала неграм мошонки. В этот момент ее и без того узенькая киска, вероятно, принимала такую форму, что негры тут же начинали лить ей на спину целые фонтаны густой, дымящейся спермы, закатывали глаза и с рычанием падали навзничь.

Лобов несколько раз пытался как бы невзначай принудить ее проделать то же самое. Лена делала вид, что не понимает, чего он хочет. Делала вид или по-настоящему не понимала – вот что требовалось доказать. Но как это сделать в городе, где с легкостью можно было напороться на ретивых конкурентов или столкнуться с происками недоброжелателей, Лобов не знал.

И лишь на третий день, в очередной раз просматривая кассету, понял, что для этого нужно. В тот же день он объявил подчиненным, что на три дня уезжает на охоту.

Ленке же перед отъездом вручил билет в Питер. Дескать, езжай милая, погляди на юбилейные торжества. Лобов знал, егеря Потапыч даже под дулом пистолета не сознается, что Лобов на охоте отсутствовал. А уж сосны и ели, тем более.

Правда, к Потапычу Лобов все же заглянул. Не вдаваясь в подробности, объяснил старому пройдохе все, что от него требуется.

Потапыч хмуро кивнул.

– Сделаю, хозяин, можешь не беспокоиться. Гусей на вашу долю настреляю. Сами запутаетесь, где были – тут или там?

Через пару часов Лобов уже был в Питере. Ленка в отсутствии мужа вела себе, как интеллигентная дама. Вторые сутки моталась по питерским пригородам, осматривала музеи. Чтобы сбить с нее культурную спесь, Лобов тут же отодрал жену, как последнюю сучку. Поставил раком и впервые вышел в «открытый» анал. Лена постанывала, валилась навзничь, удивленно поглядывая на разошедшегося мужа. Обычно сдержанный Лобов вел себя слишком эмоционально...

– Ну, так как? Согласна на третьего? – снова поинтересовался Лобов.

Лена пожала голыми плечиками.

– Милый, если тебе этого хочется, я не против.

Лобов рассмеялся. Жена вела себя благоразумно. Лобов протянул ей трубку мобильного. Бросил на постель газету с эротическими объявлениями.

Ленка удивленно смотрела на мужа.

– А давай позовем темнокожего. – засмеялся Лобов. – Правда ли, что они так ненасытны, как об этом принято думать...

Лена вздохнула. Лобов внимательно глядел в ее лицо. Нет, оно было непроницаемо.

– Негра – так негра! – тонкие ее пальчики проворно забегали по телефонным кнопкам.

Через час в дверь их квартиры позвонили. Прибывший по вызову негр был чем-то похож на того, кто так активно обрабатывал ту порносучку. Правда, когда он разделся, Лобов с удовлетворением отметил, что у него член и толще и длинней. Только тестикулы у негра оказались крупнее. Словно два громадных ореха, покрытые розово-черной кожурой, болтались между черными, слегка опушенными черным волосом, ногами.

Странно было трахать собственную жену в компании чужого мужика. Да еще и негра. Поначалу Лобов никак не мог приноровиться к взятому негром темпу. Темнокожий довольно проворно обработал влагиалище Лены членом и языком, после чего зашел ей за спину, уступая место Лобову.

Ленкино иступленное лицо светилось перед его глазами, как карнавальный фонарик. Пока Лобов устраивался на местожительство в ее полуоткрытом рту, негр, посверкивая зубами, работал сзади, как алмазное долото. Шустрый малый! Лена стонала, но понять от чего – усталости или удовольствия – было невозможно.

Закончив, Лобов положил свою тяжелую ладонь ей на голову, и медленно, по миллиметру, стал склонять книзу, туда, где разведенной аркой светились ее фарфоровые ляжки.

Когда до заветного места оставалось чуть-чуть, Лобов скатился набок, осыпая поцелуями торчащую грудь. Отсюда было видно, как голова жены медленно входила в живой проем. Негр, не прекращая трепещущего танца, с улыбкой наблюдал за манипуляциями странной пары. Когда до черных тестикул оставалось совсем чуть-чуть, негр не сдержался. Его тяжело достоинство, спеленутое презервативом, с влажным шлепком плюхнулось Лене на спину. Лобов видел, как резиновый кончик, стремительно вздуваясь, увеличивался в размерах. Лена, так и не добравшаяся до цели, внезапно вскинула голову.

– Черт, чуть шею не сломала! – засмеялась она.

Лобов улыбнулся. Нет, на кассете была не Лена. Теперь это было очевидно. Та была куда гибче. И бесстыднее. И это было приятно сознавать.

Лобов поднялся

– Ты куда? – спросила Лена, переворачиваясь на спину.

Негр, сидя в постели, неспешно снимал переполненный спермой презерватив.

– Сигареты принесу... – Лобов прикрыл за собой дверь прихожей.

Заученными движениями накрутил на ствол головку глушителя. Глушитель для пистолета был тем же, чем презерватив для живого члена. Только презерватив делал безопасным удовольствие, а глушитель – смерть.

Лобов приоткрыл дверь, нащупал выключатель. Свет сделал мишени зримыми. Первая пуля вошла негру в голову. Черное тело угольным пластом рухнуло на тело Лены. Она завизжала. Лобов неторопливо обошел кровать и выстрелил жене в открытый рот. Туда, где совсем недавно был чужой член. Вторая пуля срикошетила, впилась в подушку. Белый пух фонтанчиком взвился в воздух.

Теперь Лобов осознавал – Лена была обречена. С самого начала. И не важно, снималась она в том фильме или нет. Тот, кто прислал ему кассету, ясно дал ему это понять. Жена Цезаря должна быть вне подозрений. Или же – она должна быть мертвой. У Лены не было шансов.

Лобов слышал: над лесом летела теплая стая. Он торопился. Гусиная охота не ждет.

Сказка без конца

Светлана напоминала порочную нимфу. Стройная, голубоглазая, с тяжелой, прорывающей платье, грудью она смотрела на Зуева, с каким-то искушенным пониманием. Даже не верилось, что она девственница.

– Раздевайся! – шепнул шестидесятипятилетний жених, нетерпеливо срывая покрывало с кровати.

Светлана посмотрела по сторонам, на стены по – богемному завешанными картинами, на мещанскую мебель и подняла руки. Белое платье взлетело вверх, как пена из бутылки со взболтанным шампанским. Уставившись в потолок, легла рядом с Зуевым. Он провел ладонью по ее нежному животу, поднялся выше, ощупал соски. Близкая к нему голая нога обжигала молодым жаром. Зуев подтянулся на руках и перебросил свое тело через тело невесты. И руки, и глаза, все буквально говорило о том, что ее тело идеально соответствует его требованиям.

А требования Зуева были предельно конкретны. Он мечтал о блондинке с пышными формами, с большой – не меньше четвертого размера – грудью. Кроме этого блондинка должна была быть не выше 160 сантиметров, иметь длинные золотистые волосы до пояса, и быть не старше 25. Но самым главным и обязательным требованием шестидесятипятилетнего жениха было – избранница должна быть девственницей.

Так уж случилось, что за всю свою длинную жизнь бывшему директору строительного треста ни разу не довелось превратить девушку в женщину. Приходилось в кратчайшие сроки возрождать города из руин, спасать текущие планы, делать из неумех классных специалистов – много чего приходилось делать Зуеву, а вот этого, такого простого, мужского дела исполнять не довелось. Жена, умершая несколько лет тому, в свое время досталась ему не девочкой, редкие любовницы тоже были далеко не из первых рук. Так что распечатать тот самый заветный конверт первым Зуеву в течение жизни так и не удалось.

Почти на исходе лет Зуев понял, что все в его жизни было. Все, кроме этого... Недостаток требовалось исправить.

В конце августа во многих газетах, специализирующихся на сводничестве, появилось объявление: «Пожилой, состоятельный мужчина ищет жену, соответствующую следующим характеристикам...». Насчет состоятельности Зуев не привирал. Был у него и роскошный, загородный дом, и дача на Ладого, и счета в зарубежных банках. Все это 65-летний старик собирался оставить своей избраннице. Грубо говоря, Зуев за целку готов был расплатиться по высшему разряду. Однако, наслышанный о меркантильности нынешних девушек, решил он до поры-до времени о своем подлинном благосостоянии не распространяться.

Письма шли потоком. Две недели Зуев целыми днями сортировал корреспонденцию, а по ночам захлебывался эротическими сновидениями. Снились женщины с разведенными ногами, между которых жарко пламенели заветные лона. Девочки закидывали ноги ему на плечи и просили пронзить их живым жезлом. Теплые, мягкие груди с гигантскими сосками набивались ему в рот и орошали нёбо колючим, как шампанское, молоком. Сочные, юные «лолитки» убегали от него по полевым дорогам на легких велосипедах, а Зуев, как яростный сатир преследовал их с голым членом, вздыбленным кверху, как ракета перед стартом. Старческое сладострастие, разбуженное щедрым предложением, оказалось еще более мучительным, чем юношеское. Ему не было удовлетворения.

К концу месяца из всех претенденток Зуев, сгорающий от любовного нетерпения, выбрал троих. Девочки были, как на подбор – стройные, свежие, крепкие, одним словом, кровь с молоком. Однако, как выяснилось при тщательном медицинском осмотре знакомым гинекологом, подлинной девственницей была только одна – 19-летняя Света. Две другие хотели обмануть старого сладострастника путем нехитрой медицинской операции. Не вышло...

Сорок шесть лет разницы в возрасте действовали на Зуева, как сорок шесть скоростей на гоночный автомобиль. С каждой минутой своего жениховства Зуев воспламенялся все больше и больше...

Грудь девятнадцатилетней девочки молочно светилась перед глазами. Зуев протянул руку и тронул грудь пальцем. Светлана засмеялась. Грудной ее смех отозвался у Зуева в животе. Как будто камень упал в застоявшуюся воду. Желание вспыхнуло и поперло из Зуева подымающимся тестом.

– Ну, девочка моя, разведи ножки ... – простонал Зуев.

Он не ожидал от себя такой прыти. Теперь желание заливало его с головой. Уже за это можно было платить, не стесняясь.

– погоди! – Светлана отвела от себя его руку.

Она мягко пошевелилась, подтянула ноги кверху и пяткам надавила на его поясницу. Зуев затрепетал.

– А дача у тебя есть? Деду ...ах ...о-о... – Светлана застонала, коленки с жарким шлепком коснулись его спины.

– Есть... – пролепетал Зуев.

Вот он, заветный предел! Шестидесят пять лет Зуев добирался до этого места. На мгновение ему стало даже стыдно за разыгрываемый спектакль. Из предосторожности, мало ли чего, для первого сокопления со Светланой он снял частную квартиру. И теперь чужие простыни, чужая постель, не родные стены мешали ему познать чистую радость превращения девочки в женщину.

– Больно... – простонала Светлана. – Больно же...

Зуев поцеловал ее в прикрытые глаза и дал задний ход. Откинув одеяло, он смотрел, как кровь сочными каплями пропитывает простыню.

– Дай что-нибудь... вытереться... – сказала Света.

Зуев легко вскочил. Открыл какую-то тумбочку, там лежали газеты. Сунулся еще куда-то, но вдруг застыл: взгляд упал на член, до сих пор воинственно вздыбленный. Но не это радовало 65-летнего жениха, – член до половины вздыбленного корня был перепачкан темной, густой, даже на неискушенный взгляд, абсолютно девичьей кровью. Зуев ощутил себя мальчиком, только что получившим в награду девичью собственность. Он поднял голову. Светлана, плотно сжав голые коленки, с подозрительным прищуром смотрела на него.

– Ты что, старый пень, не знаешь, где у тебя полотенца лежат? – приподнялась на локте Светлана.

Счастливый Зуев плюхнулся рядом с невестой, только что отдавшей ему самое ценное.

– Не-а... – он повернул голову в ее сторону, чувствуя, что пришло время сказать правду. – Я хочу, чтобы ты знала – это не моя квартира! – слова вылетали из Зуева с легким смешком.

– Что? – Светлана с недоумением уставилась на Зуева. – Ты... ты... обманул?

Зуев утвердительно качнул головой. На его глазах Золушка должна была превратиться в принцессу, так же, как девочка превратилась в женщину.

– Я еще должен сказать тебе... – весело добавил Зуев. – Я не богатый... Я...

Он не успел добавить «Я очень богатый!», как что-то тяжелое, жаркое навалилось на рот, забивая его плотной массой. В уходящем сознании ему на миг померещилось, что это гигантская грудь – грудь девственницы, хотя на самом деле это была подушка, сверху придавленная живой, разъяренной телесной мощью бывшей девственницы Светланы.

Дождавшись, пока тело старого сладострастника перестало дергаться в последних схватках за жизнь, Светлана зашлась в тяжелых рыданиях. Она не могла простить себе такую оплошность. Девственность была ее последним капиталом, растраченным впустую. И не было ей утешения, как не было преграды для крови, сочащейся между зажатых клещами ног.

Испорченное торжество

Проснувшись, Зубов первым делом сунул руку под подушку. Нашупал ребристую рукоятку. На сердце стало спокойней. Вытащил пистолет, положил его на одеяло. Грудная клетка вздымалась вместе с пистолетом. Вверх-вниз, вниз – вверх. Пистолетная тяжесть колыхалась, как густая волна. За плотно закрытой шторой сгущалась ночь. Комната берегового отеля наполнила каюту. За ее стенами колыхался океан тревог. Разрезанный милицейскими сиренами, разорванный шипами бандитских джипов, он ждал Зубова, как расчехленная бездна. Теперь до кромки суши оставалось совсем немного. Вряд ли кто-то будет искать его здесь, в крохотной гостинице на берегу Финского залива. Позади были три ночи погони, двое подстреленных преследователей. И те... трое... Кассир и двое охранников. Зубов не предполагал, что они будут сопротивляться. Идиоты, зачем рвать жопу из-за чужих денег? Он бы не стал их убивать. Ему нужны были только деньги. И зачем кассир пристегнул дипломат к руке. Хорошо, что ручка дипломата отвалилась сразу. Иначе пришлось бы рубить руку труп. А это уже лишнее. Он и так наследил, где только мог...

Зубов дошел до окна, отодвинул штору. За обмороженным стеклом белой дугой горела полоса льда. Залив промерз до дна. Погода ему благоволила. Шесть часов ходьбы по льду – и вот она, сказочная Финляндия. Йолуппуки, елки, молочноголовые финки. А там уже рукой подать до паром. И все. Ауфидерзейн, господа бандиты! Прощайте, товарищи менты!

Из-за заснеженных сосен выползла тяжело груженная «Скания». Разбрызгивая снег, тормознула у поворота. Мотор урчал, машина стояла, из кабины никто не выходил. Зубов на всякий случай встал к стене, задернул штору. Оставил крохотную щелочку, в которую помещалась квадратик кабины и густые, легкие струйки снега, летящие к земле. Дверка распахнулась. Легкая девичья фигурка спрыгнула на снег. Водитель, перегнувшись, что-то крикнул девушке, брякнул дверцей. «Скания» тяжело ухнула, и медленно, длинной белой гусеницей уползла в круговорот снега. Девушка, посверкивая на свету стройными ногами, перебежала через дорогу. Подняв руку, пошла навстречу столбу света. Обдавая девушку снегом, идущая машина пролетела мимо. Засыпанная белым облаком, девушка стояла, как невеста в фате. Следующая машина снова прошла, не затормозив. И еще одна... и еще...

Девушка, явно, работала «плечевой». Эти верные спутницы тяжело груженных караванов колятся по всей стране, бесцельно и неостановимо. Прокуранные «дальнобойщики» полагают, что девчонки отдаются им. На самом деле, они отдаются дороге, ее бесконечной сути, ее разматывающемуся стержню. Зубов и сам был таким. Только у него вместо дороги была опасность. Он не мог жить без опасности, как девушка не могла без дороги.

Одевшись, Зубов вышел. Через несколько минут «плечевая» сидела в его полутемном номере. Это была молоденькая девушка с большим ртом. Таня приехала из Саратова в кабине дальнобойщика – финна. Теперь возвращалась домой.

– А ты кто? – беззаботно щебетала она, озирая номер. – Командировочный? У тебя здесь уютно. Почти как в кабине...

– Угу, – засмеялся Зубов. – Командировочный. Иди ко мне...

Упрашивать ее долго не пришлось. Сверкая белыми, холодными ягодицами, похожими на застывшие сыры, легко упала в постель. Бросила на стол пачку презервативов.

– Я не люблю с резинкой. – поморщился Зубов, обцеловывая белый, крепкий холмик груди.

Таня отстранилась.

– Тогда я не буду с тобой, – шепнула властно. – Я сплю только с презервативом.

Но Зубов ее не слушал. Жадная, горячая тревога, преследующая его по пятам, трепетала на кончиках пальцев, струилась по жилам, билась в горячем паху.

– Я не могу с резинкой. Я столько лет жил с резинкой на глазах... с резинкой в сердце...
Пусти меня... пусти...

Он рывком взламывал ее худые, угловатые ноги, коленки, острые, как края льдин, добираясь до жаркой полыньи, спрятанной между сведенных, белых ляжек.

– Дурак, что ты делаешь? Дур-аа... – она не успела выкрикнуть, ноги скользко разъехались в стороны.

Зубов навалился на нее смуглой, мускулистой грудой, опадающей, как опадает огонь, слишком долго бушующей в каменном горле раскаленной печи.

– Зачем ты? Зачем... – всхлипывала она, подчиняясь его яростной воле, его целеустремленному счастью, не отпускаящему ее ни на минуту.

Черная сердцевина ночи, укутанная белой ватой снега, густела и уплотнялась. Зубов яростно терзал худенькое тело плечевой, то сплетаясь с ней в густом клубке, то поддерживая на вытянутых руках, то высоко подбрасывая в воздух, как ребенка, и принимая обратно с мучительно-сладким выдохом...

«Может, – думал Зубов, – забрать ее с собой. Девка легкая, выносливая. До Чухлян-дии доплзем, а дальше – Европа. Затеряемся, купим домик в горах. Нарожаем детей, будем кататься на лошадях, нырять в прорубь. Денег хватит».

Но как только последняя струя его жажды неторопливо вошла в разогревшуюся белизну девичьего тела, Зубов понял, что это блажь. Он просто давно не спал с женщиной. Он не мог поставить под угрозу свою жизнь. И из-за кого? Из-за «плечевой», которая имела сотни таких же, как Зубов, по всей стране, на всех трассах? Нет, это было бы глупостью...

В половине третьего он вскочил, стал одеваться. В шесть утра патрульный вертолет облетал ледовую границу. К этому времени он уже должен быть далеко. Нельзя терять ни минуты. А «плечевая» пусть остается. Он ради конспирации снял номер на трое суток. Пусть понежится в постели, на чистых простынях. Небось, надоело качаться в шоферских гамаках...

Зубов натянул белый комбинезон, сунул ноги в ботинки. Достал из-под кровати рюкзак. До половины рюкзак был забит долларами. Портье он скажет, что до завтрашнего дня уезжает в город. Девушка остается его ждать. Никто ничего не заподозрит. Когда они что-то поймут, он уже будет сдувать пену в гамбургском баре.

Тело после ночи с женщиной было крепким и легким. Брусом льда, выпущенным из пращи. Неудержимо скользящим брусом льда.

Зубов приподнял подушку и вынул пистолет. Опустил в карман пухлой, подбитой пером, куртки. Все. Пора. Он сделал шаг к кровати.

Девушка нехотя разлепила веки.

– Ты куда собрался? – она лениво потянулась.

Он поглубже натянул вязаную шапочку.

– Спасибо тебе... – Зубов улыбнулся. – Номер оплачен до третьего. Деньги на столе.

– Ты уходишь? – она привстала на локтях.

– Да. Мне пора...

Он открыл дверь. Бархатная тьма коридора потоком хлынула в номер.

– Эй! – Зубов остановился. – Там, куда ты идешь, проверься на СПИД.

Ее голос вонзился ему спину. Зубов замер. Медленно повернулся.

– Что ты сказала?

Девушка холодно улыбалась.

– Четыре месяца назад у меня обнаружили СПИД. – Ее голос дрогнул. – Я тебя предупреждала... – он показала глазами на коробочку с презервативами.

Горячий пот заструился между лопатками. Зубов сделал шаг назад, закрыл дверь. Неужто? Так вляпаться? Не может быть?

– Ты шутишь?

Девушка покачала головой.

– Таким не шутят.

Зубов внезапно почувствовал себя больным и слабым. Опустился на стул. Теперь он знал, что не дойдет. Берегом притворился ледяной торос. Он медленно уходил из-под ног, обнажая черную широкую полыню. Полыня тянулась к Зубову. Он знал – она не пожалеет...

Завещание дядюшки Фимы

Форточка теперь не закрывалась. Два дня тело скоропостижно скончавшегося дяди Фимы лежало в наглухо запертой комнате и теперь пришло время ее проветрить. К трем часам, когда провожающие вернулись с кладбища, в комнате уже пахло стылым воздухом, крахмальными скатертями и салатом «Оливье». Дядя Фима очень его уважал. Супруга, помня об этом, приготовила салата много, как никогда. Дяди Фимы не было, а салат был.

Кроме салата, о дяде Фиме зримо напоминал адвокат Шполянский. Вряд ли, супруга покойного пригласила бы ушедшего адвоката, если бы не священная воля покойного. Ираиде Сергеевне адвокат не нравился. Но именно Шполянский должен был огласить завещание дяди Фимы. Таково было желание покойного. После второй рюмки кристально – холодного «Абсолюта» Шполянский встал. Родственники и друзья покойного ювелира, зная о страсти дяди Фимы к шуткам и розыгрышам, отложили вилки. Рюмки с налитой, но нетронутой водкой поблескивали, как стекла пенсне в лунную ночь.

– Мои нежно любимые друзья и родственники, – прочел Шполянский, вытирая толстые губы тыльной стороной ладони, – зная о своем больном сердце, я, на всякий случай, будучи в добром уме и твердой памяти, пишу эти строки с единственным условием – вскрыть его после моей смерти. Надеюсь, это условие вы соблюдете...».

Адвокат обвел взглядом сидящих, кашлянул и продолжил.

«Моя дорогая жена, прежде всего, должен признаться тебе в своей любви. Я любил тебя так, как никого другого...». Гости зашевелились, супруга покойного, румяная и взволнованная, потянулась к Шполянскому.

– Вы знаете, какой Фима был шутник? – шепотом спросила она. – А вдруг там, – она кивнула на листок с завещанием, – что-нибудь неприличное?

Адвокат выразительно глянул по сторонам.

– Покойный пожелал, чтобы завещание было оглашено на поминках, в присутствии всех гостей. Извольте нарушить волю покойного? – Шполянский тяжело устался на Ираиду Сергеевну.

Гости зашумели. Супруга покойного отвернулась. Все шло по плану.

«...но, скажу честно, твою задницу я любил больше, чем твое сердце. Сколько бессонных ночей я провел вблизи этого чудного органа, возле этого телесного мавзолея, твердеющего в момент оргазма и мягко опадающего сразу после него. Жопа, чудная жопа, из глубины вечности вызываю к тебе – о, да пребудет с тобой мягкий диван и пуховая постель, заклиная, оставайся таковою навсегда. С тобой, мой жаркий сугроб, мой сладкий воздушный пирог, путешествие по жизни казалось не таким уж и трудным. С тобой, пожалуй, иногда, могла соперничать только грудь. И что еще реже, твое лоно...»

– Это почему же? – обиженно выкрикнула Ираида Сергеевна. – Что это он тут наплел?

Гости растерянно поглядывали по сторонам, не зная, как реагировать на происходящее. Все были в замешательстве. Только Шполянский, налитый кровью, как постельный клоп, оставался внешне невозмутимым.

«...предвижу твое возмущение, – торопливо продолжил адвокат. – И потому, любезная моя супруга, признаюсь честно, лучше твоей груди была только грудь Марины Александровны. О, когда я вспоминаю те сочные, мясистые булочки, которыми в голодное время можно накормить целый город, то до сих пор переворачиваюсь от желания. Даже в гробу. Сладкая моя Мариночка, помнишь ли ты те ночи, которые мы проводили вдвоем? Да, да те золотые денечки, когда Ирочка уезжала на курорт лечить свои несуществующие болезни...».

– Что? – растерянно залепетала Марина Александровна, дальняя родственница хозяйки. – Это... это поклеп! Немедленно прекратите... Это... это... какой-то дурацкий спектакль...

Она вскочила и попыталась вырвать из рук Шполянского бумажку с завещанием. На помощь обороняющемуся адвокату неожиданно пришла супруга дяди Фимы.

– Нет уж! – мстительно протянула она, – пусть почитает. По крайней мере, будем знать правду.

Марина Александровна, покрытая пунцовым пятнами, метнулась к двери. Ей вдогонку несясь невозмутимый голос Шполянского...

«...но особенно я приходил в восторг, когда имел тебя сзади. Помнишь ли ты, как становилась на четвереньки, я прилипал сзади, и мы начинали наши собачьи танцы. Как возбуждали меня твои стоны, твои выкрики «Видела бы Ирка!» и «Фима, ты бесподобен!».

Дверь хлопнула. Марина Александровна выскочила на лестницу, сопровождаемая ненавидящим взглядом супруги покойного.

Шполянский понизил голос и застенчиво взглянул на Ираиду Сергеевну.

– Продолжать? – вкрадчиво поинтересовался он.

Ираида Сергеевна, склонив голову, кивнула.

– А чего уж! Хуже не будет...

Шполянский быстро глянул на хозяйку и снова поднес листок к глазам.

«...но как не нравились мне ваши прелести, мои несравненные женщины, все-таки, у вас не было того, чем обладала моя последняя любовь, моя волоокая Люба...».

Ираида Сергеевна вскинула голову, как будто ей внезапно сделалось плохо. Соседка Люба, сидящая за крайним столом, попыталась вскочить, но удерживаемая мощной рукой мужа, села обратно.

– И ты, тварь! – сдавленно прошипел муж, до обморочной белизны сжимая в кулаке горячую вилку.

– Это вранье... Вранье... – истерично прохрипела Люба.

– Сейчас узнаем... – пообещал муж и скорее приказал, чем попросил, – Читайте дальше, пожалуйста...

«...Люба, здесь, в этой земной тесноте, перед моими закрытыми глазами, как звезда, горит и сверкает твое курчавое, жадное, замечательно узкое сокровище. Это не орган, нет, Люба! Это сказочный чудо-агрегат, доильный аппарат ранее невиданной конструкции! Сколько спермы, денег и страсти я влил в него в последние годы. Тонны, сотни тонн! И что? Была ли ты нам верна? Я имею в виду себя и твоего мужа? Нет, Люба...»

– А про деньги там что-то есть? – внезапно оборвала Шполянского Ираида Сергеевна, заметившая, что тяжкий взгляд Любиного мужа не отрывается от портрета дяди Фимы, стоящего на краешке серванта.

Шполянский сумрачно усмехнулся.

– Есть и про деньги. Вот...» Ира, ты, наверное, уже должна понять сама, к чему я веду. Спрашивать о деньгах у человека, который так тонко, так глубоко проник в женскую душу, все равно, что спрашивать у сапожника, куда он деваает кожу, которую ему приносят клиенты. Сносил, милая, сносил, все до копейки. Да и зачем вам деньги, когда у каждой столько сокровищ... Надеюсь, вы их еще продадите. И не раз!».

Ираида Сергеевна ахнула и медленно, как подтаявший сугроб, стала оседать на пол.

– Сука! – крикнул муж Любы, стягивая скатерть на себя.

Зазвенела падающая посуда, хрустнула подломленная ножка стула, кто-то заплакал. Муж закатил Любе оплеуху. Люба ответила. Разгорелась драка. Гости, сплетясь в клубок, покатились по полу.

Шполянский, брезгливо переступая через визжащие тела, выскользнул за дверь.

Снег под ногами хрустел, как черепки только что расколотенных судеб. Адвокат улыбался. Подменить завещание не стоило особого труда. Больше его беспокоило, поверят ли в то, что это написал дядя Фима. Судя по всему, поверили. А ведь он в точности ничего не знал. Фима иногда бахвалился своими амурными победами, но всегда вскользь, без подробностей. Разумеется, как соблазнил жену Шполянского, Фима не заикался. И умер, не подозревая, что Шполянский об этом знает. Адвокат не успел отомстить Фиме при жизни. Но для мести сроков давности не существует. Пусть Фима знает. Оттуда ему виднее...

Алиби

Ирина приходила ровно в десять, ни минутой позже. Где нашел ее отец, я не спрашивал, но похоже, держать язык за зубами она умела. Сколько раз она была свидетельницей наших скандалов – не сосчитать. Однажды в ее присутствии отец расквасил мне нос – разозлился, что я в очередной раз проспал институт. Домработница даже бровью не повела. Дочистила ковер, вытерла пыль, лишь после этого молча подала чистое полотенце. Отец к этому времени уже ушел, старый боров. Я вытирал кровь полотенцем, а Ирина – молчаливо, усердно, хладнокровно – продолжала мыть посуду. Судя по прибалтийскому акценту и выдержке, ее лимфа на девяносто процентов состояла из балтийской воды. Только в глазах, небольших и цепких, крупинками янтаря плавал карий отблеск. Кем она работала до того, как отец предложил за столтник в месяц убирать квартиру своего безалаберного сына, – то есть, меня – непонятно, но эта сорокалетняя, крепкая тетка дело свое знала.

Как бы там ни было, но эти ее качества как нельзя лучше подходили к тому, что я задумал. Ровно в десять она позвонила. Я, не вытираясь, весь в клочьях мыльной пены, открыл дверь.

– Здравствуйте! – сказала Ирина.

– Извините, не успел одеться – сказал я, рукой придерживая мохнатое полотенце на бедрах.

Ирина, не говоря ни слова, вошла в прихожую. Я захлопнул дверь и снова пошел в ванную. Бросил на пол полотенце, забрался в обжигающе горячую воду. Что ж, пора...

– Ирина Вольдемаровна! – крикнула я, намыливая голову.

Через минуту дверь открылась. Холодная, строгая, как ледяная скульптура, она застыла на пороге.

– Ирина Вольдемаровна, сегодня убирать ничего не надо... – я смотрел на нее сквозь мыльные лохмотья. – Приготовьте что-нибудь... и все...

Лицо домработницы вытянулось.

– Как скажете... – она смотрела поверх моей головы в белый настенный кафель...

– И еще... У меня к вам просьба, – я налил в ладонь шампунь и стал втирать его в волосы. – Возьмите в куртке конверт с деньгами и... – я плеснул водой в лицо, – отнесите отцу. Я брал у него в долг до сегодняшнего дня. Кстати, не забудьте ключ. На тумбочке в прихожей... А то мне хочется подольше полежать в ванной... Отмокнуть после вчерашнего.

– Слушаюсь.

Ирина Вольдемаровна вышла. Через мгновение входная дверь захлопнулась.

Я помедлил чуток и пружиной выскочил из воды. Надо торопиться. У меня в запасе двадцать три минуты. Ровно столько понадобится домработнице, чтобы дойти до квартиры отца. К ее приходу он уже должен быть мертв. Ирина Вольдемаровна должна обнаружить его труп. Зная ее дотошность, я был уверен, что она не уйдет, пока не попадет в отцовскую квартиру. За двадцать три минуты я должен добраться до места, убить старого мудака, и вернуться обратно. Когда Ирина позвонит, чтобы сообщить об этом мне, я уже должен быть дома. Во что бы то ни стало! Иначе весь хитроумный план летит к черту.

Двумя взмахами полотенца – вверх-вниз – я вытерся. Натянул штаны, свитер на голое тело. На ходу влез в куртку.

Через три минуты я уже выруливал со двора. До Каменноостровского проспекта ехать пять минут. В утренние часы машин было мало. Отлично! Подъем по лестнице занял две минуты. Без трех одиннадцать я уже стоял перед дверью выжившего из ума идиота. Было ли мне его жалко? Нет, и еще раз нет. Я догадывался, что это старый пес, мой отец, свел в могилу мать. И свое состояние он сколотил благодаря тому, что осталось от ее денег. Да, он выгодно пустил их в дело. Но для этого не надо много ума. С таким наследством, которое осталось

от матери, а ей от деда, каждый дурак сможет разбогатеть. Что папашка и сделал. Да простит Господь его грешную душу!

Я сунул руку в карман. И похолодел. Пистолета не было! Черт, неужели я его выронил на ходу? Этого еще не хватало...

Я прохлопал карманы куртки, штанов. Нет, все насмарку. Весь план псу под хвост. Не душишь же болвана голыми руками. Да, пожалуй, он меня еще и сам придушит. Он и после суточной попойки свеж, как огурчик. Здоровьем я явно не в него.

Я еще раз обыскал карманы. Да, попал впросак...

Внизу хлопнула дверь. Лифт плавно поплыл вверх. Черт, как бы не столкнуться с Ириной Вольдемаровной. Поди объясни, что я делаю здесь, когда должен сидеть дома в ванной.

Я успел взлететь по лестнице вверх на один пролет. Дверца лифта гроыхнула железом. В щель между лестничными пролетами было видел белую, идеально ровную полосу пробора в волосах домработницы. Залился звонок.

– Это Ирина Вольдемаровна... – отчетливым эхом пронеслось лестнице.

Дверь отворилась и захлопнулась. Все, пора ехать обратно. План можно осуществить и потом. Деньги я одалживаю часто, домработница приходит каждый день. Так что дело за пистолетом. Но куда же он подевался? Старому хрычу повезло. Пусть пока поживет.

Дорога обратно ложилась под ноги лентой. Через восемь минут я был дома. Вода в ванной даже не успела остыть. Я обшарил карманы второй куртки, висящей на вешалке, обыскал коридор. Куда же задевался пистолет? Неужели, в доме кто-то побывал?

Не найдя пистолета, голый и опустошенный прошел в ванную. Вода приняла меня с благодарностью. Горячая струя с нежным шелестом падала на бурливую поверхность. Хлопнула входная дверь. Ирина вернулась. Я прикрыл глаза. А когда открыл, едва не поперхнулся пеной. Ирина Вольдемаровна стояла на пороге ванной. Ирина Вольдемаровна была абсолютно голой.

Она молча подошла к бортику. Зеркала с сытым удовлетворением отразили крепкую, стоячую грудь зрелой, сильной женщины, не длинные, мускулистые ноги с перламутром ухоженных ногтей. Розовое, поросшее коричневым волосом межножье застыло над моим лицом. Сильным и нежным движением Ирина обхватила пальцами вентиль крана и повернула его до отказа. Подняла ногу – на мгновение глаз обожгла зловещая чернота ее влагилица – и ступила в воду.

Я с жадностью принял на себя ее жаркое тело. Вода от ритмичных, безостановочных движений закипела бурунчиками. Домработница оказалась страстной и умелой.

Я выстрелил струей спермы в ее лоно почти одновременно с телефонным звонком.

– Подожди... – сказал я, целуя ее плечи.

Она задумчиво смотрела мне вслед.

– Что? Как убит? Когда? – я ничего не понимал. – Да, сейчас буду...

Я положил трубку. Голое, мокрое тело покрылось пупырышками. Отца застрелили...

– Ира, отца убили... – я стоял на пороге ванной, глядя на большое, белое тело домработницы, до половины покрытое мыльной пеной.

– Ну? – спокойно сказала она и поднялась.

Тысяча мелких брызг оплавленными осколками покатались вниз по остроконечным сугробам ее тела, по продолговатым прибалтийским впадинкам и ложбинкам.

– Ты этого не хотел?

Я с внезапным пониманием смотрел в ее бледно – янтарные глаза.

– Так это ты? Пистолет...

Она медленно, вальяжно перекинула ногу через бортик. Горячей, властной ладонью провела по моему члену.

– У тебя пистолет... – она сдвинула член ладонью, взяла мою руку и положила себе между ног. – А у меня алиби... С первого дня, увидев тебя, я поняла, как они нуждаются друг в друге. Ведь так?

Я покорно кивнул, целуя твердые, жаркие соски бывшей домработницы.

Путешествие на край света

Таня приоткрыла левый глаз, посмотрела на Люську. Ее красный купальник полыхал на бледно-голубом фоне, как раздавленный помидор на застиранной салфетке. Наверное, ей кажется, что так быстрее обратят внимание. А кому обращать? В отеле сплошные старички со старушками – туристы из Германии, с десяток немолодых итальянцев, парочка древних голландцев. И все. Черт их дернул приехать в этот Тунис в такую жару!

Таня почувствовала, как палящее солнце на мгновение заслонила люскина тень. Пусть постоит, пусть... Не открывая глаз, она перевернулась на живот. В лобок уперся какой-то комок. Огрызок яблока, что ли? Таня шевельнула бедрами, внезапно почувствовав, что ей хочется, чтобы комок спустился немного ниже, и чтобы внизу этого комка бултыхались два крепеньких, кругленьких шарика. От воображаемых картин стало еще жарче – надо же, такое нехитрое устройство, а без него как колбасит! Жаль, не может этот комок самостоятельно войти в нее по самую макушку, не может. А то солнце, фрукты и полноценный отдых делают свое дело лучше любого врача. Желание с каждым днем становится нестерпимей.

– Я бы сейчас отдалась целому взводу. Пусть трахают во все дыры! – томно процедила Таня, потирая закрытые глаза. – Если так дальше пойдет, придется затащить в номер какого-нибудь старичка, купить ему упаковку «Виагры» и пусть работает всю ночь...

– Надо уважать старость...

Таня открыла глаза. Прямо над ней, заслоняя солнце, стоял смуглый, широкоплечий крепыш. Танин взгляд случайно упал ему между ног – о, там было на что посмотреть! О каком-то жалком комке на время можно забыть.

– Извините, но мне кажется, я не с вами разговариваю, – пробормотала Таня и оглянулась в поисках Люски.

Подруга ушла купаться. И даже не предупредила.

– Вы позволите прилечь рядом с вами?

Таня милостиво оглядела полупустынный пляж.

– Ну, если больше нет свободных мест...

Незнакомец плюхнулся в горячий песок рядом с Таней. Согнутые в локтях руки были волосатыми и мускулистыми. У Тани в межножье стало покалывать и трепетать.

– Милош! – галантно представился незнакомец.

– Таня!

Они улыбнулись друг другу. Милош, надо же! Хорошее имечко в условиях тотальной нехватки любви! Незнакомец рассказал, что когда-то он учился в России и с тех пор любит русских девушек. Еще бы, небось перетрахал весь факультет!

– А сейчас я моряк. Наше судно управляется водой. Мы скоро уйдем. Таня, я хочу познакомиться с тобой поближе... – без всякого лирического перехода объявил Милош.

Таня была не против. Она едва дождалась, когда придет Люся. Милош с восхищением поглядывал на высокую, пышную грудь Люси.

– Люся очень красивая! – улыбнулся Милош. – Я могу пригласить своего друга.

Через час Таня и Люся сидели в компании моряков в баре отеля. Второго моряка звали Фрэнком. Высокий, бородатый, с красноватым, словно обожженным лицом, Фрэнк был похож на древнего викинга.

Люся понимала, что дойти до номера она не успеет. Поэтому после второй рюмки текилы поманила Милоша в женский туалет.

Это была бешеная скачка. Пески арабского Востока пели у Тани в крови, сильные руки югославского моряка гладили ее грудь, толстый, коротковатый член разрывал истекающую соком киску, приподымал над палящим зноем и скукой курортного дня.

После нескольких оргазмов Таня поняла, что она только-только вошла во вкус. С ужасом представила, что Милош уедет, уйдет, а им еще целую неделю куковать среди этих томных песков. И ведь не уедешь – за все уплачено!

Они стремительно перебрались к себе в номер. Люська и Фрэнк уже были там. Люська стонала, а Фрэнк ухал, словно вбивал в ее промежность деревянные сваи. Знатный работник!

Таня в коротких промежутках между бурными оргазмами с восторгом наблюдала, как старательный и основательный Фрэнк охаживает Люсю. Он все делал медленно, едва ли не под счет: неторопливо, глубоко, на всю умопомрачительную длину своего белого, как стеариновая свеча, члена. Обработывая люськино безразмерное лоно, Фрэнк с таким же усердием ласкал ее улыбающийся рот. Побарахтавшись в толстых, упругих люськиных губах, переворачивал ее в заднюю позицию, и старательно шуровал там. Милош в сравнении с Фрэнком был скоропелкой.

– Хочешь поменяться? – спросил Милош, искоса глянув на Таню.

Таня кивнула. Мужчины как будто только этого и ждали. Милош перебрался к сладко постанывающей Люське. А старательный Фрэнк занялся Таней.

Сытые от бесконечной любви, они уснули под утро. Обеденное солнце, словно расплавленное золото, залило комнату полуденным зноем.

Милош и Фрэнк сидели за столом уже одетые.

– Нам пора. Корабль уходит через два часа. Девочки, у нас к вам предложение.

Девушки, протирая заспанные глаза, растерянно слушали сбивчивую речь Милоша.

– Айда вместе с нами. На судне есть свободные каюты. – Милош брезгливо оглядел их номер. – Скажу честно, они намного лучше, чем ваш номер, – он улыбнулся. – Солнечные ванны будете принимать на палубе, там есть небольшой бассейн. Питание – все, что вы пожелаете: рыба, мясо, фрукты. И разумеется, вино... – он посмотрел на Фрэнка.

Тот согласно покачал головой. Милош продолжил.

– Две недели займет переход. Потом корабль на три месяца становится на ремонт. Мы покупаем билеты и вместе летим в Европу. Или останемся в Африке. – он улыбнулся. – Все расходы, разумеется, на наш счет. С документами мы тоже все решим. Ну как?

Таня от ревела от счастья. Она всегда мечтала о дальних путешествиях. Люся для вида помолалась. Но через полчаса дала согласие.

В полдень небольшое китобойное судно покинуло пределы порта. Люся и Таня, улыбаясь, смотрели в круглые оконца уютной каюты. За белыми от солнца стеклами медленно исчезали портовые краны, таяли миражи опостылевшей страны.

К обеду подали жареных крабов и плетеную бутылку с вином. Девчонки хрустели сладковатым мясом и смеялись. В животе сладко рвались шары близких оргазмов. Путешествие начиналось отлично и обещало запомниться на всю жизнь. В родном Прокопьевске все сдохнут от зависти.

Милош заглянул к ним под вечер. Поцеловал Таню и сказал.

– Вас ждут в кают-компании.

Русские туристки тщательно оделись и надушились.

В небольшой, отделанной деревом комнате, негде было яблоку упасть. Десятки похотливых, голодных мужских глаз с жадностью ощупывали девичьи тела.

– Милош, это что? Мужской гарем? – с возмущением фыркнула Таня. – Я иду к себе.

Она развернулась, сделала шаг к двери. Тяжелая, мускулистая рука преградила ей путь.

– Стоять! – Милош рывком развернул Таню. – Ты забываешься!

Таня непонимающе уставилась на него.

– Разве не ты мечтала о взводе мужчин? – хищно улыбаясь, спросил Милош и взмахнул рукой, указывая на толпу мужчин, тесно сомкнувшуюся вокруг русских туристок. – Вот он, ваш взвод! Покажите им то, что показывали нам с Фрэнком!

Таня хлопала глазами, напрасно удерживаясь от слез. Люська испуганно вжалась в деревянную панель.

– А если не согласны, тогда уходите! Вас никто не держит! – хохотнул Милош.

Повернувшись, он что-то сказал своим друзьям. Те захохотали и еще теснее сомкнули круг.

Девушки не успели вымолвить и слова – крепкие, загорелые мужские руки сорвали с них платья, с жадностью потянулись к грудям, раздвинули ноги. Через секунду Таня почувствовала в себе чей-то горячий и нетерпеливый ствол. Вокруг волнами плескалась мужская неумная похоть. Ей не было видно ни конца, ни края. Так же, как не было видно конца этому удивительному и такому неожиданному путешествию.

Новое назначение

Эти магазины созданы отнюдь не для удобства потребителя. Богатому человеку нужно место, где он может без зазрения совести щеголять своей крутизной. Гипермаркет – одно из таких мест. По солидности тачек, окружающих наш магазин, можно изучать новинки автомобилестроения. По фасонам одежды – направления мировой моды. Особенно зверствуют бабы. Такого количества красивых стерв раньше я не видел даже после двух «косяков» чистейшего казахского плана. Крутозадые мулатки и субтильные блондинки, пухлогубые Бритни Спирс и томные Мэрилин Монро ходят по нашим залам табунами. После зачисления в штат охранников супермаркета «Бленда» в обеденный перерыв я первым делом бежал в туалет и прочил трижды подряд. Лишь после этого шел в столовую за традиционным салатом и пюре с морковным шницелем. Боялся, что не выдержу и засажу какой-нибудь полураздетой самке прямо между полками с гигиеническими прокладками и зубной пастой «Блендамед».

Сегодня был как раз такой день. Точнее утро, наступление которого я проспал. Я летел в задрипанной тачке частного-бомбилы и думал, что скажу Петровичу. Этот уса́тый урод, бывший замполит расформированного ракетного батальона, с недавних пор исполнял обязанности шефа охранной службы и изо всей силы рвал свою натруженную жопу, чтобы его утвердили в новой должности. В девять Петрович проводил планерку. Сегодняшнее опоздание было вторым за месяц. Эх, как бы моя служба не закончилась раньше срока...

Бежать в кабинет к Петровичу было поздно. На ходу кивнув девчонкам-кассиршам, я что есть силы помчался в отдел парфюмерии, где был мой пост.

Петровича еще не было. Вдоль полок, заставленными сверкающими флаконами с лаком и антиперспирантами, неторопливо прогуливалась парочка из разряда продвинутой молодежи и какая-то седоволосая тетка в солнцезащитных очках. Прыщавый кретин что-то рассказывал своей тонконогой подруге, попутно поглаживая ее тощую задницу. Эти хилыки были мне по барабану. А вот тетка... Да, тетка определенно требовала пристального внимания...

Она вела себя с королевской невозмутимостью. Недолго думая, в первом ряду сразу же сунула себя в лифчик какой-то блестящий флакон. Стоя спиной к ней, я видел это в пластмассовом зеркальце. Прием простой, но эффективный. По пути в отдел хозяйственных товаров, тетка бросила в корзину несколько пачек «Тайда», а в карман полураспахнутой куртки сунула два тюбика помады. Судя по всему, она занялась этим недавно, опыта не имела. Хотя одета была не слабо – фирменные штаны, яркая блузка, хорошие туфли из дорогой кожи.

Дождавшись, когда тетка сунула в сумочку пакет с прокладками, я взял ее за локоть.

– Служба охраны... – я говорил тихо, но внушительно. – Попрошу пройти в комнату для осмотра...

Тетка испуганно дернулась, но глянув на мои строго сведенные брови, все поняла. Покорно поплелась впереди. Я шел следом.

Надо сказать, что сзади она выглядела весьма аппетитно. Сочные ягодичные полукружья упруго перекачивались под плотной тканью. В вырезе блузки, как птицы в силках, трепыхались две крепкие грудки-голубки.

– Сюда... – строго сказал я, распахивая дверь комнаты.

Тетка растерянно застыла посередине комнаты. От нее пахло дорогими духами.

– Снимите очки... – попросил я.

Без очков она оказалась моложе, чем мне казалось вначале. Если бы не седина, вполне могла сойти за девушку. Особенно впечатляли губы – крупные, мясистые, с легким налетом помады на выразительных изгибах.

– Ну! – сказал я. – Сами достанете, или хотите, чтобы это сделал я?

Она молча достала из сумки пакет с прокладками, вынула из кармана два тюбика помады. Бесстыдно задрала блузку, отогнула кружевную чашку бюстгальтера и вынула флакончик с перламутровым лаком.

Сложила все это на столе и спокойно, даже как-то насмешливо уставилась на меня.

Если бы не последний трюк с бюстгальтером, я бы поступил с ней так, как и положено по инструкции: пригласил свидетелей, составил протокол и позвонил в ментовку. Но эта крепкая, сочная грудь, трепещущая в кружевной чашке, как баскетбольный мяч в дырчатой корзине, не давала мне покоя. Грудь толкала меня на нарушение инструкции. И с этим ничего нельзя было поделать.

– А теперь... – я заметно волновался... – снимите штаны...

– Что? – растерянно выдохнула дама.

– Штаны! – потребовал я, подходя ближе.

Внезапно она улыбнулась. Молния поехала вниз, словно распарывая темноту, за которой томились наши желания.

Когда она подняла голову, мой жезл, тяжелый и грозный, был приставлен к ее животу, как разделочный тесак к горлу нежной овцы.

– Бери! – то ли приказал, то ли попросил я.

Девушка, растерянно глядя на мое оружие, мягко опала книзу.

– Какой большой! – по пути успела заметить она.

Следом мягкий, горячий, обволакивающий рот втянул меня без остатка. Язык нежно скользнул по вздыбленной головке, придавая ему сходство с гладкостью бильярдного шара.

Я запустил руку в ее волосы, по привычке накручивая их на дрожащие пальцы. Внезапно седоватое кольцо поехало кверху – избыток волос оказался париком. Девушка на мгновение подняла глаза кверху, не вынимая изо рта мою игрушку, раздвинула губы в улыбке.

Я удивленно рассматривал ее блестящие, гладко зачесанные волосы густо-черного цвета. Теперь она смотрелась красавицей. Воровка-красавица вытворяла со мной такое, что в благодарность я готов был отдать ей весь гипермаркет с автомобильной площадкой в придачу.

Когда она наконец отпустила мой выдохшийся шланг, я поспешно сунул ей в карман все то, что не так давно оттуда извлек. Провел к служебному входу...

– Как тебя найти, милый? – шепнула она, прижимаясь ко мне на прощание.

Я открыл дверь, оглянувшись по сторонам, шепнул.

– Двести тринадцать... семнадцать... двадцать четыре... Спросишь господина Серова.

– Спасибо, господин Серов... – засмеялась она и выскользнула за дверь.

Пунцовый, взъерошенный я бегом вернулся обратно. Петрович встретил меня криком.

– Где ты шляешься, мудака! Смотри, допрыгаешься!

Я начал что-то мямлить насчет запаздывающего троллейбуса.

– Ладно, проехали... – он оборвал мои объяснения и протянул фотографию. – Запомни это лицо. Очередная жена нашего хозяина. Кстати, страдает kleptomанией. Хозяин предупредил – может появиться и у нас... Так что, будь аккуратен... Я уже всем ребятам показал. Но ты ведь на планерки не ходишь...

Я испуганно смотрел на знакомое лицо. Это же она, моя миньетчица-воровка... Те же губы, тот же рот. Господи, ну и влип...

Раздался телефонный звонок. Петрович снял трубку. Я испуганно смотрел на Петровича, не понимая, отчего его взгляд, направленный на меня, из сурового, колючего становится теплым и подобострастным...

– Так точно! Вас понял! – Петрович бережно положил трубку. Вытянулся передо мной.

– Что случилось?

Петрович вытянул руки по швам.

– Господин Серов с сегодняшнего дня назначается начальником охраны! – лицо бывшего шефа светилось наигранным торжеством. – Какие будут распоряжения?

Я опустил на стул.

– Петрович, ты шутишь? С чего ты это взял?

– Как с чего? Хозяин звонил. Сказал, что попозже заедет познакомиться. Вместе с супругой. Так что, давай, принимай дела...

Рыбный день

Заостренный пятак скальпелем взрезал дерматинный слой. Нет, пожалуй, это даже не дерматин. Клеенка! Дерматин хоть чуть-чуть сопротивляется, не дает лезвию проникнуть слишком глубоко. Клеенка же расползается, как влажная самка перед хорошим членом.

Ира вздохнула. Образ крепкого, молодого члена мечтательным дирижаблем проплыл перед глазами. Второй месяц она не видела мужика. Гриша Суриц не в счет – Гриша просто партнер по бизнесу.

Два месяца назад они приехали в Питер вместе с Гришей. Сняли квартиру. Целую неделю изучали обстановку. Самым заманчивым показалось метро. Если раньше народ в основном толкался на Апрашке, то в этот приезд стало ясно – хороший кошелек можно взять, где угодно. Рынки расплодились, как яблоки в урожайный год. Ветки метро, как яблоневые ветки, гнулись от тяжести золотых плодов. В любом конце города можно было напороться на запыленную тетку с кошельком, торчащим из пакета. Или на мужика с карманом, вздувшимся от тяжести бумажника. Ежедневная охота приносила хороший навар. Если так дальше пойдет, то через недельку они уедут отсюда на «Мерседесе». Еще останется на полгода безбедной жизни.

Вот тогда-то она оторвется. Ира зажмурилась, вспоминая как исправно три раза в неделю ее обрабатывал Игорек. Какой сильный и неутомимый у него член. А язык! Ира часто задышала, между ногами потекло, легкое пламя загорелось внутри. Эх, пора переходить на мастурбацию.

Ира открыла глаза и тут же натолкнулась на суровый, злой взгляд Гриши. Маленький, легкий, в сереньком дешевом плаще он напоминал бухгалтера, возвращающегося с работы. И только взгляд – твердый, внимательный – напоминал, что бухгалтер этот считать учился, прибавляя и отнимая статьи и сроки.

Глаза Гриши устремились мимо Иры. Она повернула голову. Рядом стоял видный, крепкий мужчина. Таких Ира видела только в кино. Вот кому бы отдаться. Бугай, роскошный бугай!

Ира перевела взгляд на его руки. Пальцы, с двумя тяжелыми перстнями, нервно теребили сердцевину бумажника, доверху забитого баксами. И угораздило этого бобрика ехать в метро! Наверное, тачка сломалась. Не иначе. Бугай пересчитал деньги, захлопнул бумажник и двинулся к выходу. «Лопатник» рыжим кирпичом плюхнулся в карман элегантного, светлого плаща. Да, Гриша в отличие от Иры, времени даром не терял. Зацепил золотую рыбу, в прямом смысле, золотую...

Ира слегка наклонила голову, давая знать Грише, что объект под контролем. Гриша, принимая ее сигнал, тут же оторвался от стенки вагона и стал пробираться к двери. Остановился прямо перед бугаем. Ира пристроилась сзади. Получилась плотная, симпатичная корбочка. Как у Игоря Кио: тот, кто попадал в ее пределы, обратно выходил, как правило, уже без кошелька.

Ира оглянулась по сторонам. Все были заняты своими делами. В этот момент сзади чуть-чуть надавили. Ира, не сдерживая себя, слегка пододвинулась. Так, чтобы ее крепкая грудь свежей булкой уперлась в спину бугаю, а «киска» горячим пирожком впечаталась в ягодицы. По себе она знала, что мужик от подобных объятий впадает в транс. Стоит, не шелохнувшись, до самой станции. А иногда едет до тех пор, пока не соизволишь отлепиться.

Надо быть импотентом, чтобы роптать.

Бугай и не шевелился. Замер, как будто его мускулистые ноги прибили к полу вагона десятисантиметровыми гвоздями. Ира прижалась к нему левой половиной. Бугай чуть-чуть выпятил задницу. Надо же, может он надеется, что она изнасилует его прямо в вагоне?

В этот момент сзади опять надавили. Ира, пользуясь моментом, сунула руку в карман плаща. По миллиметру, по чуть-чуть продвинулась вглубь. Вот... Шероховатая кожа ткнулась

в ладонь. Бумажник был горячим и липким. Надо же, как нагрелся! Ира щепотью потянула его на себя. И тут же почувствовала, как бумажник стремительно выпрямляется, растет, заполняя ладонь, тычась в пальцы обжигающей, влажной поверхностью. Ира замерла, не смея пошевелиться. Мужской член, жаркий, громадный пойманной рыбой трепетал у нее в ладони. Ира даже не поняла, как это получилось? То ли член был слишком большой, то ли карман таинственным коридором уходил прямо бугаю в ширинку. Надо же, с виду обыкновенный новый русский. А как дошло до дела – эксгибиционист!

Надо было бросать эту чертову рыбу, выбираться из вагона, но Ира вдруг поймала себя на мысли, что ей не хочется. Так бы и ехала себе, держа в руке восставший член, и будь что будет! Жаль, что Питер не Москва, там вообще можно ездить по кольцевой хоть целый день. И выходить не надо.

Ира слегка сжала ладонью пойманную добычу и тут же ощутила, как член запульсировал в сладком, страстном ритме. Он словно разговаривал с Ирой на своем языке. Дескать, здравствуй, хозяйка, я жду, когда ты начнешь ласкать меня по-настоящему? Ира усмехнулась. Надо же... А ведь скоро станция!

Сзади снова, в предвкушении скорого конца, стали напирать. Пользуясь моментом, ее ладонь словно случайно скользнула вниз... И вверх... И снова вниз... И опять вверх... Член ликовал. С каждым мгновением он рос в размерах, словно хотел разорвать штаны, вагон, выбраться из-под земли змеем – Горынычем, изрыгая из себя белое, волшебное пламя, в котором трепещет жизнь.

Ира чувствовала, как внутри у нее, словно отвечая члену, забился в ответном ритме маленький огонек. Он рос и приплясывал, обжигая ее внутренности горячим дыханием. Она не имела сил его остановить. Для этого огня нужно было белое пламя, которое таилось в упругом члене, в глубине мужских брюк.

Впереди замелькали огни станции. Набегающие ломаные линии, словно подгоняли ее руку, ее быстрый бег: вверх-вниз, вверх-вниз... Густая, белая струя ударила в ее ладонь, так что рука едва не вывалилась из штанов. Поезд притормозил и бугай вместе с Ирой, словно не силах устоять перед напором толпы повалился на дверь, сотрясаясь в едином ритме. Поезд встал, и Ира легким движением извлекла руку из кармана, пряча ее от посторонних. Ладонь была влажной и липкой. Также влажно и липко было у нее между ног. Казалось, что совсем недавно она села голым межножьем в лужу малинового варенья. Но зато на сердце было спокойно и тихо. Даже то, что на этот раз она осталась без добычи, совсем не тревожило.

Дверные створки отворились. Бугай, не оглядываясь, ринулся следом за толпой. Иру вынесло на перрон. Брошенной щепкой она выскользнула из обволакивающей человеческой массы, прислонилась к колонне.

Гриша выкатился с другой стороны.

– Ну! – жадно зашептал он, глядя напарнице в глаза.

Ира, ничего не отвечая, полезла в карман. Надо было вытереть руку. Она ощупала складку, чувствуя приближающийся холод. Вывернула карман, оголила изнанку. Гриша, прищурившись, смотрел на Иру. Весь карман был исполосован легкими бритвенными порезами. Денег не было. Вся дневная выручка исчезла, словно ее и не было.

– Вот черт... – восхищенно протянула Ира. – Хорошо работают...

Гриша удивленно смотрел, как Ира уверенными и сильными движениями, словно пытаясь стереть следы позора, трет разжатую ладонь, розовую, блестящую поверхность с выступающим холмиком Венеры.

Лестница в небо

Недавно вымытые ступени скользили, словно намазанные вазелином. И здесь вазелин, всюду вазелин. Я выругалась про себя. И зачем только послушалась маму. Она полагала, что быть урологом выгодно и престижно. Оно и с мужчинами полегче. Может быть и престижно: в местной поликлинике к моему кабинету самая большая очередь. Большинство представители сильного пола. Но вот насчет выгоды, я бы не сказала. Пальцы в вазелине – не пальцы в золоте. В этом смысле профессию уролога не сравнить с профессией стоматолога. Раскрытые рты – это вам не раскрытые задницы. Кариес лечится в течение часа, простатит – не меньше месяца. А то и двух. Да и не всякий простатит можно вылечить без скальпеля. Так что насчет мужчин мама погорячилась. Хотя, что правда – то правда, с мужчинами имеешь дело каждый день. Точнее, с тем, что у мужчин между ног. А между ними, как говорят в Одессе, две большие разницы. И на замужество эти разницы никак не влияют. Уж я-то знаю. Скоро тридцать, а мужа до сих пор не видать. Где ж ты, мой простатитовый?

Держась за перила, поднялась на третий этаж. На лестничной площадке было темно. Небось, какие-то идиоты снова разбили лампочку. В темной впадине верхнего этажа притаилась ночь. Я побыстрее сунула руку в сумочку, достала связку ключей.

Замок щелкнул: раз – два... Третьего положенного щелчка не дождалась. Сзади кто-то грубо обнял меня за шею. Закричать я не успела. Рельефная мышца, спрятанная под матерчатым коконом, вжималась в горло. Перед глазами поплыли подрагивающие подушки, пупырчатые облака. Воздуха! Воздуха-а-а...

– Заткни пасть! – приказал обладатель рельефной мышцы, таща меня в сторону лифта.

А я и не сопротивлялась. Заткнуть пасть-так заткнуть! Лишь бы давал дышать. Ботиночные каблучки звонко бились о краешки ступеней. Я не видела его лица. Слышала только запах – одеколона и мятной жвачки. Однако прогресс – насильники ходят на дело, вымывшись и затолкав в рот жвачку. Это вселяет уверенность. Может, будет не так больно?

Створки лифта распахнулись. Мое обездвиженное тело с трудом влезло в тесную кабинку. Насильник слегка не рассчитал – таскать такую тяжесть (как —никак восемьдесят килограмм) не каждому под силу. Может потому я до сих пор не замужем?

Он прислонил меня к стенке и быстро зашарил руками по одежде. С нетерпением рванул пуговицы, тяжелая грудь бултыхнулась перед глазами. Холодно, быстрее бы начинал, что ли...

– Ну-ка, кобыла, раскрой рот. А то получишь пику в вымя!

Я приоткрыла глаз. Довольно молодой. Если бы побрить, может и симпатичный... Дышит тяжело... Чего это он, никак боится?

Я с трудом опустилась на колени. Все-таки, рабочий день позади. Мужские оголенные головки до сих пор мелькают в глазах. А тут еще один. Но что делать, что делать?

Достоинство у него было небольшое, но толстое. Эдакий огурец с грядки. Довольно молодой еще огурец. Я взяла его в ладонь, слегка стиснула. Бесплезно! Огурец висел засохшим стручком.

Приблизилась лицо к паху вплотную, закатала кожу. Так... головка в пупырышках. Тэкс... По краям – покраснение... А здесь что? Я приподняла головку кверху, заглянула с исподу. Ага, уздечка надорвана. Наш друг занимается онанизмом. И довольно часто...

– Так больно? – слегка надавила на головку со стороны покраснения.

– Чего? – он с высоты своего роста испуганно глядел на меня.

– Я спрашиваю, так больно?

Он переложил нож из правой руки в левую, лезвие холодно блеснуло.

– Немного...

– Ага. Понятно...

Просунула руку меж волосатых ног, прощупала тестикулы. От каждого сжатия клиент слегка вздрагивал и вскидывал голову, словно лошадь, идущая на водопой. Правое яйцо было чистым и гладким, как речной валун. Дееспособное яйцо. А вот на левом было небольшое уплотнение. Отсюда могут быть проблемы.

– Проблемы с эрекцией есть?

Я попыталась встать.

– Ты чего? – проскулил насильник. – А в рот?

Я разогнула спину, позвоночник сухо треснул, словно череда выстрелов. Проклятый радикулит. Насильник вздрогнул, растерянно глянул по сторонам.

– погоди со ртом! – сказал я. – Повторяю – проблемы с эрекцией есть?

– Бывает... – насильник обиженно хмыкнул. – Когда волнуясь. Или испугаюсь...

– Ага... – я кивнула. – Ну-ка, штанишки спусти...

– Совсем? – он с радостью уставился на меня.

– Дурашка, до колен... – огорчила его я. – Снимай штанишки и поворачивайся попкой...

Он радостно крутнулся на месте. Два ягодициные плоскости смотрели мне в лицо толстыми круглыми щечками.

Так, так...

Теперь все знакомо. Тюбик с вазелином под рукой, мужские ягодицы, сексуальные проблемы. Только перчаток не хватало. Не полезу же я голым пальцем в анальное отверстие. Обидно... Все так хорошо начиналось...

Он словно услышал мои сомнения. Повернул голову, глянул на руки, смазанные вазелином.

– У меня презерватив есть. Его можно того... на пальчик...

Во, голова!

– Давай сюда! – строго сказала я.

Презерватив пришелся впору. Палец, обтянутый духовитой резинкой, уверенно скользнул в анальную щель.

– Ну-ка, на четвереньки, живо! – приказала я.

Насильник с готовностью бухнулся на колени. Быстро нащупала предстательную железу. Она была слегка увеличенной, воспаленной, похожей на размягченный в горячей воде каштан.

– Больно? – спросила я, делая волнообразные движения пальцем.

– Чуть-чуть... – едва слышно прошептал он.

– А так? – я свернула палец крючком и зашла с другой стороны, наращивая темп.

– Хорошо... Хорошо... – бормотал он, мотая головой. – Еще... еще...

А я и не собиралась останавливаться. Профессор Молодцов, мой институтский наставник, всегда предупреждал, что лечение нужно начинать только после того, как пациент освободится от лишней спермы. А здесь лишняя сперма была. И в приличных количествах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.